

М. Максимов

По страницам дневников и писем А. И. Тургенева

(Пушкин и А. И. Тургенев)

А. И. Тургенёв.
Литография Энгельмана
1830 г.

Волею судеб фигура Александра Ивановича Тургенева возникает и на первых страницах биографии Пушкина, и в конце его жизни: в 1811 году А. И. Тургенев помог устроить племянника Василия Львовича Пушкина в Царскосельский лицей; в 1837 году он сопровождал в Святогорский монастырь тело убитого поэта.

Александр Иванович Тургенев (1784—1845) был одним из четырех сыновей И. П. Тургенева, директора Московского университета. С 1797 по 1800 год А. И. Тургенев учился в Московском уни-

верситетском пансионе, а в 1802 году уехал в Германию и поступил в Геттингенский университет. Позднее там учились его младшие братья — Николай, будущий декабрист, и Сергей. Там же обучался его друг Андрей Кайсаров, автор труда об освобождении крестьян, и А. П. Куницын, любимый лицейский учитель Пушкина. Их, питомцев Геттингена, вспоминал Пушкин, когда писал портрет Лежского:

С душою прямо геттингенской
.....

Он из Германии туманной
Привез учености плоды,
Вольнолюбивые мечты... (VI, 33)

Окончив университет, Александр Иванович вернулся в Россию и вскоре добился успехов по службе с 1810 года он директор Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, в 1812 году его назначают также членом Комиссии составления законов. Он жил стремительно, жадно впитывая «все впечатленья бытия».

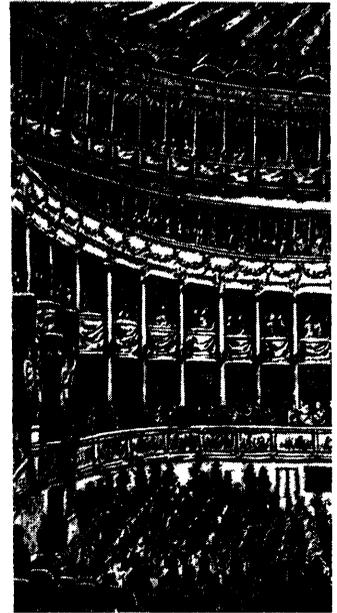
влиянием разговоров о государственном нестройстве России он написал оду «Вольность».

Александр Иванович часто корил поэта за «площадное волокитство» и нерадение о своем таланте. Пушкин ответил ему дружеским посланием; оно кончалось гедонистическим афоризмом:

Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст (II, 41).

Дом А. Н. Голицына на Фонтанке, на третьем этаже была квартира братьев Тургеневых

В январе 1815 года А. И. Тургенев присутствовал на публичном экзамене лицейцев и слышал, как Пушкин читал в присутствии Державина «Воспоминания в Царском Селе». В те годы он встречался с молодым поэтом в доме Карамзина, в Царском Селе, в кругу арзамасцев. В этом литературном содружестве Александра Ивановича звали «Золотой арфой», Пушкина — Сверхком.

По окончании лицея Пушкин поселился в Петербурге и стал посещать квартиру братьев Тургеневых на Фонтанке, там под

Общение Пушкина и Александра Ивановича оборвалось ссылкой поэта на юг. Они стали обмениваться письмами, не частыми, но откровенными и дружелюбными. 1 декабря 1823 года Пушкин был признателен А. И. Тургеневу за хлопоты, благодаря которым он получил разрешение переехать из Кишинева в Одессу, посылал ему наиболее острые строфы «Наполеона», стихотворение «Свободы сеятель пустынный», сообщал ему, одному из первых, что пишет «Евгения Онегина».

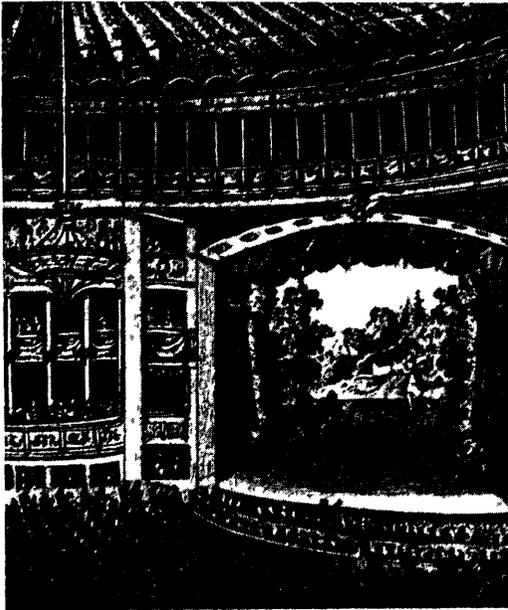
В 1824 году грянул гром и над Але-

ксандром Ивановичем. В апреле — вынужденный отъезд на лечение в чужие края брата Николая; в середине мая — отрешение его самого от всех должностей. Летом 1825 года Александр Иванович вместе с братом Сергеем уехал за границу.

Известие о восстании декабристов застало Н. И. и А. И. Тургеневых в Париже. Николай Тургенев был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением; он не вернулся в Россию.

и его друзей с интеллектуальной жизнью Западной Европы, позволяли им вопреки цензуре быть в курсе европейской политики.

Письма Александр Иванович писал по следам дневников, в которые он ежедневно заносил свои встречи со знакомыми, свои мнения о прочитанном, свои впечатления о виденном и слышанном. Извлечем же из его дневников и писем упоминания о Пушкине.

Зал Петербургского
Большого театра.

Е. И. Колосова.
Миниатюра на кости,
художник Д. Сэп, 1809 г.

Гибель друзей и вольнолюбивых надежд потрясла Сергея Тургенева; его хрупкая психика не выдержала испытаний: он умер на чужбине в 1827 году.

Осуждение Николая Тургенева по делу декабристов окончательно привело Александра Ивановича в ряды «протестантов». После 14 декабря независимость суждений сохранила небольшая горстка передовых писателей. И среди них А. И. Тургенев. Последующие два десятилетия он годами жил за границей. Его увлекательные письма из чужих краев знакомили Пушкина

13 ноября 1825 года А. И. Тургенев смотрел в Париже балет Россини «Золушка»; придя домой, он записал: «Не раз вспомнил я прекрасные стихи Пушкина о Колосовой!»¹ Александра Михайловна Колосова (1802—1880) была звездой петербургского театра. Пушкин ценил ее игру, но однажды в порыве раздражения написал на нее злую эпиграмму. Затем Пушкин остыл, гнев его прошел, и в апреле 1821 года он послал П. А. Катенину отвлечение от своей эпиграммы:

Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименной и Моинной.
Так легкомысленной душой,
О боги! смертный вас поносит,
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит (II, 181).

Впервые это стихотворение было напечатано в 1826 году, спустя несколько месяцев после записи А. И. Тургенева Ве-

Ж Рекамье

роятно, Александр Иванович знал его еще в рукописи. обстоятельства разметали Пушкина и А. И. Тургенева в разные стороны. Но и разделенные сотнями верст, они сообщали друг другу свои мысли, планы, свершения.

В Париже А. И. Тургенев познакомился с хозяйкой знаменитого литературного салона мадам Рекамье. В конце 1825 года он отметил в дневнике, что на вечер-

у мадам Рекамье говорили «много о поэте Пушкине, коего дядю, Василия Львовича, мадам Рекамье знавала»². Весьма знаменательная запись! Представитель передовой России, А. И. Тургенев еще в 1825 году знакомил литературный Париж с беспокойной судьбой и творческими дерзаниями Пушкина; в речах А. И. Тургенева французская интеллигенция увидела за казарменным фасадом Российской империи истинную, вольнолюбивую Россию, узрела крепнущую мощь русской литературы.

Мадам Рекамье познакомилась с Василием Львовичем в 1803 году, во время его посещения Парижа. Пушкин, конечно, знал о заграничном вояже своего дяди от него самого; Василий Львович, надо думать, не раз потчевал племянника рассказами о своей поездке. К тому же этот эпизод его жизни стал литературным событием. И. И. Дмитриев сочинил шутивную поэму «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». Эта озорная шутка начиналась стихами:

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать...

Далее, пронизательно предвосхищая события, И. И. Дмитриев писал от имени Василия Львовича:

Вчера меня князь Долгоруков
Представил милой Рекамье³.

В 1808 году шаловливое чадо музы И. И. Дмитриева было напечатано в количестве 50 экземпляров и роздано приятелям автора; в 1836 году Пушкин и Вяземский собирались перепечатать поэму. Пушкин даже написал вступительную заметку; представляя читателям этот «образец игривой легкости и шутки живой и незлобной», он чистосердечно признавался:

«Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в Ювеналовом негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...» (XII, 93).

Верноподданнической морали болгарских, чопорной морали великобританских гостинных Пушкин противопоставлял светлое, эпикурейское отношение к жизни, отстаивал право поэта на любой литературный жанр, который ему в данный момент по-

душе. От него требовали восхвалять мудрое правительство, он отвечал шаловливым «Домиком в Коломне», собирался печатать озорную поэму И. И. Дмитриева.

Пушкин и сам любил веселую шутку, остроумный разговор. 31 октября 1826 года А. И. Тургенев вспомнил о вечере 1817 года, когда он «сближал пасторов протестантских и реформатских и поэт Пушкин угощал их у меня пуншем и ужином, а под конец и бичевал веселым умом своим — вином разогретого пастора»⁴.

Как же отнесся Александр Иванович к озорной выходке Пушкина? А. И. Тургенев был верующим человеком, но никогда не принадлежал ни к ханжам, ни к выпиренным моралистам. Ему хватало ума ценить по достоинству остроумные суждения даже тогда, когда они не совпадали с его собственными. Свойственная ему широта взглядов отразилась в тоне записи, явно благожелательной к «веселому уму» Пушкина. Какой необычный и точный эпитет, как метко характеризует он Пушкина!

Читая беглые записи Александра Ивановича о Пушкине, не знаешь, чему больше удивляться: частным ли замечаниям, точности, с которой он заносил на бумагу душевные и умственные движения поэта, или же общему верному взгляду на его творчество. 25 февраля 1828 года А. И. Тургенев записал в дневнике о встрече в Лондоне с англичанином-банщиком: «Он был долго в России камердинером графа А. К. Разумовского и цитует ругательные стихи Ломоносова над митрополитом: признак и отпечаток того времени в России. Теперь бы он вывез Пушкина...»⁵.

Достоин удивления, что в двадцатые годы прошлого столетия, когда творческий путь Пушкина еще не был свершен, когда вокруг него раздавались голоса недоброжелателей и хулителей, нашелся человек, который понял, что творчество Пушкина уже стало мерилом национальной культуры.

«14 марта <...> Обедал у маркиза Лансдовна. Приехал с Вильсоном в 7½ часов и скоро пошли за стол. Маркиз познакомил меня с другими конвивами, в числе коих был и знакомый брата Томсон, член парламента и банкир-либерал. Жена Лансдовна любезна, и за столом мне очень ловко и весело было болтать с нею. Когда дамы нас оставили, разговор о полит<ической> экономии, о истории, о поэте Пушкине, о брате сделался общим. Томсон знал Пушк<ина> в Одессе, а брата в

анг<лийском> клобе и здесь. Говорил Лансдовну, что книга его вряд ли не единственная о сем предмете и не в одной России и пр<очее>»⁶.

Эта запись вводит нас в гостиную английского политического деятеля маркиза Лансдоуна (1780—1863), одного из лидеров партии вигов. Скупые строки скитальца-летописца не поясняют, что именно он рассказывал своим английским друзьям. Однако залогом того, что разговор о Пушкине был весомым, служит общее направление застойной беседы. Говорили о политической экономии, в книге Николая Тургенева «Опыт теории налогов» (этот труд о финансах был начинен антикрепостническим динамитом!), о Пушкине. Неожиданно оказалось, что член парламента Чарльз Томсон лично знал Пушкина. Этот одесский знакомый Пушкина общался, помимо Н. И. Тургенева, и с другими передовыми людьми русского общества; в записке Ф. В. Булгарина о связях декабристов с иностранцами сказано: «Корнилович и Муханов (Петр) были в связи с богатым английским купцом Томсоном, который снабжал их запрещенными либеральными газетами и брошюрами. Сам Томсон учился по-русски и путешествовал по России».

Естественно предположить, что Томсон доставлял и Пушкину книжную «контрабанду».

Сегодня Александр Иванович горячо говорил о Пушкине в обществе, завтра брал в руки томик его стихов.

«25 апреля. <...> Я заглянул случайно в экземпляр Пушкина стихов, который я прислал брату, и во всей книжке нашел только следующие стихи — в «Уединении», отмеченные карандашом:

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободно душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы

непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе»⁸.

«Уединение» — это «Деревня»; по цензурным соображениям она была напечатана в 1826 году с измененным названием и в урезанном виде. Однако братья Тургеневы, конечно, знали полный текст «Деревни», написанной в 1819 году, в пору их близости с поэтом. Вскоре Александр Иванович разыскал окончание стихотворения среди своих бумаг; 15 августа 1830 года в его дневнике появляются строки:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает,
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря? ⁹

Перечитывая «Деревню», Тургеневы вспоминали беседы с поэтом на Фонтанке, когда в стихах Пушкина и тирадах Николая Ивановича гремела анафема российскому хамству — крепостничеству.

Теперь они жили на чужбине и с нетерпением ожидали вестей из далекой России. Друзья не отступились от них; с каждой почтой шли к ним письма от Жуковского и Вяземского. И не только письма, но и книжные новинки! 18 апреля 1828 года Вяземский сообщал А. И. Тургеневу: «Пушкин посылает тебе с Ломоносовиком шесть частей Онегина и новые издания Руслана и Бахчисарайского фонтана» ¹⁰. Полтора месяца спустя оаэзия прибыла в Лондон; 7 июня 1828 года Александр Иванович отметил в дневнике, что он получил «русские книжки и прочел все 6 песен Онегина, кн. Долгор<уюку> и часть Бахч<исарайского> фонтана. Так и обдало Русью! Но не без наслаждения читал поэтов-приятелей, вспомнивший меня в отдалении и почти в ссылке» ¹¹.

Первоначально главы «Евгения Онегина» выпускались отдельными книжками, по мере того как поэт заканчивал их. Шестая глава «Евгения Онегина» вышла в свет в конце марта 1828 года, и Пушкин при первой же возможности переслал ее вместе с предыдущими главами А. И. Тургеневу в Лондон.

Чтение «Евгения Онегина» А. И. Тургенев начал с «Разговора поэта с книгопродавцем», который предварял первую главу. Читал и заносил в дневник строки, привлекившие его внимание.

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья,
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья.

Печальная сентенция Пушкина оказалась близка странствователю поневоле.

Поэт казнит — поэт венчает.

Первоклассный литератор, один из самых бытнейших представителей эпистолярного жанра, арзамасец А. И. Тургенев был

другом многих писателей, и естественно, что афористическая строка о высоком назначении искусства была созвучна его раздумьям.

Наш век торгаш. В сей век железный
Без денег и свободы нет.

Живя в чужих краях, Александр Иванович видел, как быстро шла посленаполеоновская Европа по торной дороге капиталистического развития, как крушил «сей век железный» старые, веками освященные установления. И недаром он подчеркнул слова «Наш век торгаш»: эта пророческая для России формула стала уже беспощадным девизом западноевропейского общества.

Но вреден север для меня.

Пора надежд и грусти нежной.

И о былом вспомнить.

Выписывая автобиографическое признание Пушкина «Но вреден север для меня», Александр Иванович думал о себе и о своем брате-декабристе; так расширялось звучание пушкинской строки: теперь это был эпиграф к скитальческой судьбе братьев Тургеневых.

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный.

Вскоре по приезде в Англию А. И. Тургенев посетил лондонские доки и воочию видел, как загружаются трюмы кораблей, во все части света идущие, видел, как бойко торгует Великобритания изделиями своих умельцев; читая «Евгения Онегина» в столице Англии, мудро было не выписать эти строки.

К чему бесплодно спорить с веком
Я все грущу, но слез уж нет,
И скоро, скоро буря след
В душе моей совсем утихнет.

Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле providенья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит ¹².

Этот минорный триптих заключает

выписки А. И. Тургенева из романа в стихах Пушкина. Под пером Александра Ивановича строки «Евгения Онегина» становятся летописью его собственных переживаний

Неделю спустя, 13 июня, он записал в дневнике:

«Одна из дам описывала мне с некоторою живостью деревенскую жизнь свою и взаимные посещения знакомых, родных на неделю и часто более в замках их; из слов ее и многих других я заметил, что

Возможно, что эта мысль вновь мелькнула в его голове в январе 1829 года, когда он посетил поместье уже знакомого нам маркиза Лансдоуна; там снова зашел разговор о Пушкине — на этот раз с поэтом Томасом Муром. Последний завершал в это время биографию Байрона и попросил А. И. Тургенева ознакомить его с русскими переводчиками английского поэта. Александр Иванович охотно отозвался на эту просьбу. В записке, переданной Томасу Муру, он писал: «Пушкин, образовавшийся

Лондон

мужчины, особливо мужья, еще менее любезны в сельских куцах своих, чем в городе: там утро проводят они, рыская на охоте или толкуя о политике; усталые возвращаются домой к позднему обеду, пьют чай, говорят мало и спешат в объятия Морфея, оставляя дам с надеждою увидеть мужей за завтраком с новым аппетитом и с новыми планами — провести утро с верной собакой и с ружьем, и с новым аппетитом возвратиться к верной жене и к верному ростбифу.

Пусть здешний Пушкин опишет здешних Онегиных и здешнюю Таню»¹³.

на Байроне и талант которого пробовал себя почти во всех жанрах поэзии, — среди них есть шедевры, подражал ему в <стихотворении> «К морю», в своем «Наполеоне» и в других произведениях, кои будут жить до тех пор, пока будут говорить на нашем языке».

Записку о русских переводчиках Байрона (А. И. Тургенев писал еще о переводах Жуковского, Козлова и Вяземского) он передал Т. Муру 21 февраля, а 2 апреля отправил ему письмо, в котором писал: «Беру на себя смелость, милостивый государь, доставить вам два слабых перевода

отрывка из Пушкина, находящегося в одном из лучших его стихотворений и озаглавленном «Океан» <«К морю»>. Так как в нем говорится о Байроне, я считал, что оно может представить некоторый интерес для его биографа. Я уже имел честь в заметке о русских переводчиках Байрона указать вам на этого самого Пушкина, который испробовал все звуки лиры и был мастером в каждом, по выражению поэта, имя которого я вам не назову. Мне пишут, что он только что написал новую поэму «Мазепа» в трех песнях, которая заканчивается Полтавской битвой! — Пушкин всегда жаловался, что Байрон до него завершил своего «Мазепу»¹⁴.

Всюду и везде, при любом удобном случае А. И. Тургенев обращал внимание своих чужестранных друзей и знакомых на творчество Пушкина.

В августе 1829 года Александр Иванович едет в Брюссель, а оттуда спешит в Париж, где снова погружается в стремительный водоворот политической и литературной жизни французской столицы.

Неисчерпаем поток его писем — в Россию к петербургским друзьям, в Англию к брату. 30 ноября 1829 года А. И. Тургенев сообщал Жуковскому: «Брат читает теперь Полтаву Пушкина и 12-й том Карамзина: желал бы сообщить и тебе и Вяземскому то, что он пишет о сих 2-х книгах, но лучше на словах...»¹⁵ Николай Иванович жил в это время в Чельтенгаме в обществе «неистощимого и всеобъемлющего» П. Б. Козловского, того самого, который несколько лет спустя станет сотрудником пушкинского «Современника». Письма Н. И. Тургенева из Чельтенгама сохранились, и вот что он писал 18 ноября брату в Париж: «Сегодня я получил от Mrs. Н. XII т. Карамзина и Полтаву. Сию последнюю читали ходя поутру у колодца. Множество стихов совершенно похожих на стихи Хвостова. Окончание 1-й песни, где он описывает Марию с Мазепой, только по сию пору нам понравилось. После завтрака прочел вслух несколько страниц из Истории. Плавно, но водяно. Замечание историка «о добродетелях государей и народов», в сравнении Шуйского с Годуновым, совершенно ребяческое, и не основательное, и не философическое. <...> Я начал читать К<арамзи>на XII т., и горько, и печально, и часто гадко!»¹⁶.

Беспощадны слова Н. И. Тургенева о двенадцатом томе «Истории государства Российского». Суров его отзыв о «Полтаве». И не только суров, но ироничен. Сти-

хи одописца, графомана Д. И. Хвостова были предметом постоянных шуток арзамасцев. Большого оскорбления, чем сравнить чьи-либо стихи со стихами Хвостова, трудно себе представить. И тем не менее отзыв Н. И. Тургенева вполне объясним. Прошло лишь четыре года со дня поражения декабристов на Сенатской площади. Правление Николая I не вызывало у Н. И. Тургенева надежд на обновление социального строя России. Книжные новинки, получавшиеся из Петербурга, он читал

Портрет Байрона, принадлежавший А. С. Пушкину. Автолитография Жюльена.

пристрастными глазами участника политической катастрофы. Он жаждал услышать слово хотя бы косвенного осуждения российских порядков. Такого слова он не слышал. Прославление самодержавия в двенадцатом томе «Истории государства Российского» вызвало осуждение им труда Карамзина. Алофеоз Петра I в «Полтаве» он воспринял в остропублицистическом ключе. Тактическая линия Пушкина, пытавшегося историческим примером Петра I воздействовать на Николая I, чтобы добиться амнистии декабристов и проведения

кардинальных реформ, была чужда Николаю Тургеневу. Пройдет несколько лет — и Пушкин поймет несбыточность своих иллюзий. Весной 1834 года он запишет в дневнике чье-то (а скорее всего свое собственное) мнение о Николае I: «В нем много от прапорщика, и немного от Петра Великого» (XII, 330; подлинник по-французски).

В начале 1830 года при ближайшем участии Пушкина и Вяземского в Петербурге стала выходить «Литературная газета» Дельвига. Издатели ее просили А. И. Тургенева быть их корреспондентом. Александр Иванович готов был принять это предложение; он писал Вяземскому: «Поблагодаря Дельвига за журнал. Право, давно не читал такой занимательной газеты. В ней столько оригинальных статей: гвои, Пушкина, Дельвига и другие можно прочесть и перечесть, хотя во многом я и не согласен с тобою. Как много знаете вы о нас, европейцах! <...> Не успею кончить письма, в котором хотелось дать тебе понятие о некоторых авторах и авторшах, и книгах, и проектах, кой теперь занимают меня, и отблагодарить Дельвига за «Газету» отчетом о всем том, что вижу, слышу я в Париже»¹⁷.

Политические события во Франции опрокинули расчеты на сотрудничество А. И. Тургенева в «Литературной газете»; вскоре началась Июльская революция, и печатать корреспонденции из Парижа стало невыгодно.

С декабря 1830 года Александр Иванович снова в Лондоне, где становится заведывающим клуба «Атений»; там, в тишине полутемных кабинетов, он проводит многие часы за чтением газет, журналов, книжных новинок; его дневник пестрит то краткими, то пространными выписками из прочитанного. Появляются извлечения из книги Роберта Саути об английской литературе. Вслед за строками о том, что время между творениями Драйдена и Попа (конец XVII и начало XVIII века) было темным веком английской поэзии, размышление Александра Ивановича: «В этой характеристике мрачной эпохи английской поэзии едва ли нет большего сходства с нашею эпохою в русской литературе, если исключить Жуковского», Пушкин — истинных поэтов»¹⁸.

Теперь из исторического отдаления, когда канули в Лету булгарины и гречи, нам, потомкам, это время представляется эпохой Пушкина. Но не такой она была в сознании современников, даже наиболее про-

ницательных. Александр Иванович ясно видел, что Пушкин и его соратники окружены плотным кольцом рептильных литераторов.

Тем радостнее были дни, когда посылки с книгами приходили из России, убеждая в том, что вопреки враждебной осаде мелкой посредственности и продажных душ твердо стоят Пушкин, Жуковский, Козлов, Вяземский, Баратынский, что они пишут и печатают свои произведения. Один из таких счастливых дней пришелся на февраль 1831 года — на столе Александра Ивановича появилась стопа русских книг: «Борис Годунов», стихотворения Пушкина, альманахи «Северные цветы» и «Альциона». Александр Иванович погрузился в чтение.

Не бесстрастным ценителем изящного, а человеком, вовлеченным в бурные события своего времени, предстает перед нами А. И. Тургенев, читающий произведения Пушкина. Прочтем же глазами Александра Ивановича монолог Пимена:

Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;

И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья переписав,
Да веду от потомки православных
Земли родной минувшую судьбу;

Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь как море-окиян?

Сравните эти строки с полным текстом монолога, обратите внимание на то, что опущено, и вы поймете, как личноно воспринимал лондонский «летописец» признания Пимена. Это он, Александр Иванович, а не давно почивший монах, повторял от своего имени пушкинские строки, думая о горестных событиях последних лет. Недаром сразу же за приведенными стихами он выписал строку из ответа Пимена Григорию:

Кромешники в тафьях и власяницах.

О «кромешниках» XIX века мыслит Александр Иванович за чтением «Бориса Годунова». Перед ним сцена «Царская дума»; прочел и снова к дневнику:

«Кн. Шуйский о перевозке тела Димитрия» из Углича в Москву

Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?

Не скажут ли сего о манифестах — с Русским богом, о министре <ерстве> Франца <ии> во время Карла X:

они святыню дерзко
В делах мирских орудием творят»¹⁹.

Возмущением кипит ответ Александра Ивановича на риторический вопрос Шуйского. Там, в трагедии, — уловка лукавого царедворца, здесь, на страницах лондонского дневника, — обвинение в святотатстве двух монархов: Николая I, божиею милостию (этими словами начинались все царские манифесты) утвердившего приговор по делу декабристов, и Карла X, освящавшего именем бога нарушения французской конституции.

Вот и прочитан до конца «Борис Годунов». Александр Иванович взял в руки «Северные цветы». Проникновенное лирическое стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла» не привлекло его внимания. Зато из остальных трех стихотворений Пушкина он сделал характерные выписки:

Поэту

Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный дум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Пушкин.

Анониму, Пушкин

К доброжелательству досель я не привык.

Монастырь на Казбеке, Пушкин

Высоко над семьею гор,

Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине,
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне²⁰.

Как выразительна эта пристрастная, субъективная «мозаика». Строки из различных стихотворений составляют стройную гамму переживаний. Эта «мозаика» является объективным документом читательской психологии, позволяющим судить, какие ответные токи возбуждала поэзия Пушкина у его современников.

Отложив в сторону «Северные цветы», А. И. Тургенев принялся читать стихотворения Пушкина — и снова выписки:

«Пушкин, часть II, Шенье.

Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет.

Недаром темною стезей

Я проходил пустыню мира.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

в октябре 1825? года пророк Пушкин писал:

Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я.
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам.

И в самом деле явился к друзьям своим, в числе коих не нашел Пушкина.

Но и Пушкин написал **Стансы** в 1827 году! В нем они видят Петра Великого? Зачем сравнивать бывших друзей сибирских с стрельцами? Стрельцы были запоздалые в веке Петра: эта ли черта отличает бунт П<етер>бургский?»²¹

В отзыве Александра Ивановича на «Стансы» обнажается трагизм положения Пушкина; даже такой его доброжелательный друг, у которого не было и тени сомнения в чистоте его нравственного облика, считал это стихотворное обращение ошибкой. Тот, чья рука не дрогнула благословить приговор декабристам — передовым людям своего поколения, — не станет вровень с Петром I — таково было твердое убеждение Александра Ивановича. Многому его научили и неудачные хлопоты за брата; он понял, что надеяться на великодушие Николая I бессмысленно, что судьба брата и его соратников решена бесповоротно на долгие годы. Что же было делать? Помогать пострадавшим и опровергать официальную лживую версию, очищать от наветов доброе имя патриотов, дерзнувших выступить против абсолютизма. Четверть века спустя Герцен гневным печатным опровержением доклада следственной комиссии по делу декабристов завершит многолетнюю устную пропаганду А. И. Тургенева в европейских салонах. Александру Ивановичу не довелось дожить до блестящей отповеди Герцена какским «законникам»; как бы он ликовал, если его радовали даже краткие упоминания о декабристах. 24 января 1831 года во французской газете «Constitutionnel» было напечатано письмо из Польши. Автор письма (оно опубликовано анонимно) от имени поляков предлагал русским совместно бороться с Николаем I: «Окровавленные тени Пестеля, Рылеева и Муравьева взывают к вам»²², — восклицал автор письма. И вот газета в руках у Александра Ивановича:

в его дневнике появляется запись о том, что «начинают уже славить имена наших — погибших...»²³.

Закрываем заграничные дневники А. И. Тургенева. Много раз на их страницах появлялось имя Пушкина и мелькали строки его стихов. Поэзия его сопутствовала Александру Ивановичу в скитаниях по Европе, помогала переносить тяжелые удары судьбы. Случалось ему и спорить с поэтом. Но разве настоящая дружба исключает споры?

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНІЯ.

1831.

«Борис Годуновъ»
А. С. Пушкина.
Титульный лист первого издания.

Долгих одиннадцать лет длилась разлука Пушкина и А. И. Тургенева. Бездомным скитальцем приехал на родину Александр Иванович. Это было в начале июня 1831 года; проездом в Москву он ненадолго задержался в столице. Тут и увиделся он с Пушкиным. Встреча была краткой, где-то на людях, поговорить по душам не удалось. Передавая Пушкину поклон, он писал Жуковскому 4 сентября 1831 года: «Мне иногда очень грустно, что в деятельную, решительную эпоху его жизни мы не встретились и даже в эпоху моего ду-

шевного и интеллектуального возраста — виделись мы только на час, ночью, не успели ни высказать себя, ни проститься... Где он будет зимовать? В Царском или в П<етер>б<урге>? Здесь перестали морить его. Скажи ему, что я все еще оправдываю стих его — «и сплю» — есть ли не у графа де Лаваль, то в театре за переименованным Потье. Недавно всхрипнул и рассмешил дам, лучше французских шуток актера»²⁴.

А. И. Тургенев вспоминает послание 1817 года, в котором Пушкин писал ему:

Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль (II, 41).

Встреча с Пушкиным взбудоражила А. И. Тургенева, вовлекла его в творческие замыслы поэта: 14 сентября 1831 года Александр Иванович просил Жуковского: «Обними историографа Петра I-го, так прошел здесь о нем слух, но только слух. Скажи ему, что одна из рукописей о Петре I (на немецком), о коей Карамзин так выгодно отзывался, есть у меня; что не худо иметь и сербскую его биографию, в Венеции в двух частях вышедшую, и кое-что другое, о чем нужно справиться с моим архивом и с журналами. Все к его услугам; но как выбрать из громады, которую теперь начинают приводить в порядок?»²⁵

Сербская биография Петра I — это «Житие и славные дела государя императора Петра Великого... Ныне перее на славенском языке списана и издана. В Венеции. В Типографии Димитрия Феодозия. 1772». Пушкин воспользовался советом — в его личной библиотеке сохранился второй том этой биографии Петра I.

Проходят два дня, и А. И. Тургенев сообщает Жуковскому: «Для биографа Пушкина нужен и журнал Шотландца, служившего у нас с младенчества и вряд ли не до кончины. У меня копия с него в Лондоне, здесь, в Архиве оригинал и в Петербурге у меня оглавление оно»²⁶.

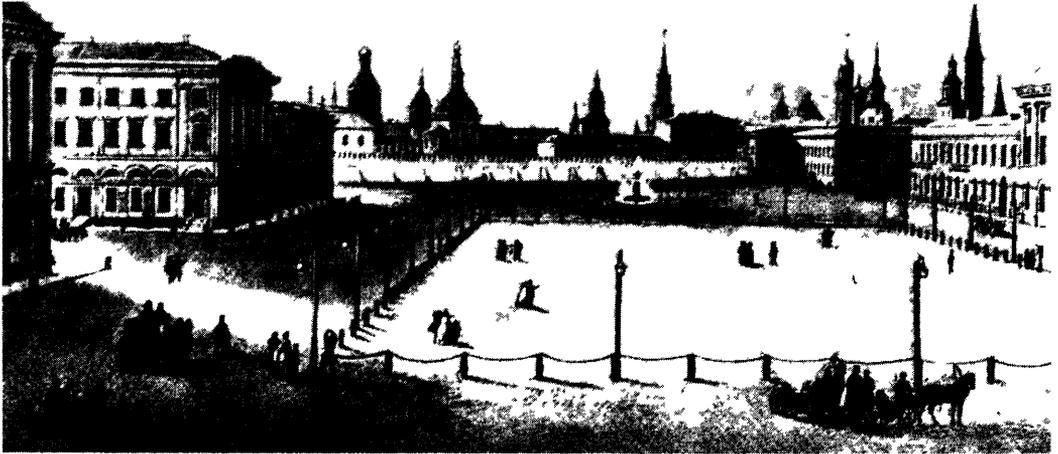
Пушкина заинтересовал этот источник. Он получил выписку из немецкого рукописного перевода дневника Гордона, а также встречался позднее с Д. Е. Келлером, который переводил в 1836 году этот дневник с английского оригинала на русский.

Замысел Пушкина-историка живо интересовал А. И. Тургенева; 23 октября 1831 года он занес в дневник: «Разговор о Пушкине и Петре I с Уваровым, с

к<нязем> Голиц<ыным> и внимание других к словам нашим»²⁷. Вскоре А. И. Тургеневу довелось разговаривать об этом замысле уже с самим Пушкиным.

6 декабря 1831 года Пушкин приехал в Москву и остановился у своего друга П. В. Нащокина. На следующий день Пушкин навестил старейшего русского писателя И. И. Дмитриева и встретил у него Александра Ивановича. От Дмитриева Пушкин и А. И. Тургенев отправились к Вяземскому, а затем к Петру Ивановичу

Ивановичу о своих первых шагах на поприще исторической науки. Запись предельно кратка; впрочем, кое о чем мы можем догадываться; ведь несколько недель спустя, 25 января 1832 года, А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Кланяйся Пушкину; он обещал написать ко мне с оказией: напомни ему. Скажи, что я слушал в Истор<ическом> обществе — вступление в историю Петра I Свиньина и Архивские замечания на оное Малиновского и прагматические Антона Антонского. Жалею, что и я сде-

Москва Акварель
Бронина 1840 е годы.

Мещерскому, женатому с апреля 1828 года на Екатерине Николаевне Карамзиной. С хозяйкой дома у Пушкина были дружеские отношения; в 1827 году он посвятил шутливый акафист ей, «сияющей так мило для наших набожных очес».

С 7 по 24 декабря 1831 года в дневнике А. И. Тургенева отмечено восемь встреч с Пушкиным; пять из них падают на первые пять дней пребывания Пушкина в Москве; им надо было наговориться после долгой разлуки, заново обрести друг друга; ведь за истекшие одиннадцать лет они оба во многом изменились; надо было поделиться пережитым, передуманным, перечувствованным.

«8 декабря. <...> Был у Пушкина и разговаривал о Петре I».

Итак, Пушкин рассказывал Александру

лал одно. о **мужественном** виде младенца-Петра. — Исправлять не должно Гения-писателя»²⁸.

В последних фразах речь идет о вступлении в историю Петра I, прочитанном или рассказанном Пушкиным при его встрече с Александром Ивановичем в декабре 1831 года. Во время беседы А. И. Тургенев позволил себе сделать замечание и теперь винил себя за необдуманный критицизм; он надеялся, что Вяземский передаст Пушкину его сожаление, и скорее всего оно дошло по адресу.

Вспоминать о нектати сказанных словах было тем обиднее, что Александр Иванович твердо верил в «гения-писателя», в его грядущий успех историка; три года спустя он занес в дневник свой разговор с немецким ученым Геереном о преподавании исто-

рии наследнику русского престола «Напр сначала взять Историю Петра Великого, хорошо написанную (т е когда напишет ее Пушкин, подумал я)»²⁹

Продолжим чтение записи 8 декабря 1831 года «Вечер у Вяз<емского> с Пушк<иным> Разговор с ним и с Вяз<емским> об Англии, Франции, их авторах, их интеллектуальной жизни и пр и они моею жизнью на минуту оживились »

В Париже Александр Иванович посещал

ми Минье, Сисмонди, Сент-Олером, Балашем, с ориенталистами Жомаром, Ремюза, со многими литераторами, учеными, политическими деятелями, обширный круг английских знакомых — писатели Вальтер Скотт, Томас Мур, Роберт Саути, политические деятели маркиз Лансдоун, Генри Брум, Роберт Вильсон, историк и публицист Джеймс Макинтош, филантропы Макколей и Вильберфорс и многие, многие другие — было о чем вспомнить Александру Ивановичу Он присутствовал на бур-

Шатобриан

Мериме

Стендаль

многие литературные и политические салоны С патриархом французской литературы Шатобрианом он много раз встречался в салоне мадам Рекамье, их беседы были живыми и увлекательными. Теперь, в Москве, Александр Иванович «с чувством, с толком, с расстановкой» рассказывал о знаменитом старце Когда позднее Пушкин писал статью «О Мильтоне и Шатобрианом переводе «Потерянного рая», он, конечно, знал о «первом из современных французских писателей» много больше того, что мог прочитать из книг, в импровизациях Александра Ивановича перед ним вставал живой Шатобриан

Разговоры с Мериме и Стендалем, приемы у Альбертины Бройль (дочери мадам де Сталь), посещение лекций Кювье по истории точных наук, беседы с историка-

ных заседаниях английского парламента, посещал научные общества В пестром калейдоскопе его воспоминаний мелькали десятки лиц, книги по различным отраслям знаний, брошюры политические и религиозные, журналы, газеты Обо всем этом он рассказывал Пушкину и Вяземскому Благодарные и отзывчивые слушатели понимали его с полуслова, сочувствовали его интеллектуальным влечениям, бескорыстно завидовали его блестящей памяти.

«10 декабря < > Солдан зовет меня и Пушкина на спектакль и на вечер день рождения Марии! Поеду!! Вечер в спектакле и на бале у Солдан и до 6-го часа утра! Ужинал с Шереметевой, слушал Пушкина и радовался отрывкам 8-й песни Онегина! — Когда я ему сказал à propos танцев моих, по отъезде им <пера>т<ора>»,

стих его: «Я не рожден царей забавить» — Пушкин прибавил: «Парижской легкостью своей!»

Какая удача для немецкой литературы, что рядом с Гёте был Эккерман, записывавший его беседы; как досадно, что не случился русский Эккерман рядом с Пушкиным. Тем ценнее отрывки разговоров, которые сохранили нам письма, дневники и воспоминания современников. Ответ Пушкина А. И. Тургеневу на балу у Сольдейн — истинная находка для потомства.

Польское восстание 1830 г.
Площадь Сигизмунда
в Варшаве С акварели
Ф. Х. Дитриха.

В 1818 году передовое русское общество до конца поняло лицемерие Александра I; курс на Священный союз и возвышение Аракчеева воздвигли стену непонимания и отчуждения между царем и свободолюбивой молодежью. Возник план государственного переворота в пользу императрицы Елизаветы Алексеевны. Пушкин написал ей восторженное стихотворение, воспевая «на троне добродетель с ее приветною красой». В 1819 году Федор Глинка напечатал это стихотворение в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Цензура не рискнула запретить стихотворение, прославлявшее императрицу. А стихи были смелые и независимые:

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,

Я не рожден царей забавить
Стыдливой Музою моею (II, 65).

Это стихотворение Пушкина вспомнил Александр Иванович на балу у Сольдейн. И вспомнил не случайно. Он был в полупальном положении; его тяготило присутствие на балу Николая I, и только по отъезде царя он стал танцевать. Александр Иванович привнес горький автобиографический подтекст в стих Пушкина. Поэт понял его состояние и, желая развеселить, ответил комплиментарной шуткой:

Лафайет.

Я не рожден царей забавить
Парижской легкостью своей.

«Парижская легкость» Александра Ивановича означала его подвижность, его острый интерес ко всем проявлениям умственной жизни. За годы пребывания в Париже он приобрел нечто от французского национального характера. Он не приобрел одного — «легкости» на модном паркете. Александр Иванович был все так же тучен, как и прежде; танцуя, он мог «забавить царя», сам того не желая.

«11 декабря. <...> Обедал у кн<язя> Вяз<емского> с гр. Потемк<иной>, с к<нягиней> Гол<иыно>й (Ланской)³⁰, с Пушк<иным>, Давыд<овым> (Денис<ом>), гр<афом> Толстым и пр<очими>».

Графиня Елизавета Петровна Потемкина, сестра декабриста С. П. Трубецкого, жена графа С П Потемкина, была посаженой матерью на свадьбе Пушкина, в ее доме на Пречистенке поэт не раз бывал

Среди гостей Александр Иванович упоминает поэта-партизана Дениса Давыдова, с ним у Пушкина были дружеские отношения. Посылая ему «Историю Пугачева», Пушкин писал

«Кавказскому пленнику» Но это были строки из послания Вяземского к Ф И Толстому, с которым Пушкин в 1820 году заочно рассорился из-за сплетни, пущенной им про поэта. Однако с тех пор прошло одиннадцать лет, они успели помириться и охотно встречались в обществе

И вот за обеденным столом собрались чета Вяземских (Веру Федоровну А И. Тургенев не упомянул, так как она хозяйка дома и ее присутствие оговаривать не было

Домашний спектакль
С гравюры начала
XIX века

Встреча Нового,
1822 года

Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой (III, 415)

Граф Толстой, по всей вероятности Федор Иванович, по прозвищу Американец, дуэлянт, картежник («на руку нечист», по выражению Грибоедова), путешественник, авантюрист, одаренная натура, незаурядный человек,

Которого душа есть пламень,
А ум — холодный эгоист,
Под бурей рока — твердый камень!
В волненьях страсти — легкий лист!³¹

Последние две строки восхитили Пушкина. Он хотел взять их эпитафией к

необходимости), Пушкин, Денис Давыдов, Александр Иванович, Е. П. Потемкина, А. В. Голицына и другие. Обедали, беседовали. О чем? Дневник молчит. Поскупился Александр Иванович, ни единым словом не обмолвился о разговоре за столом.

15 декабря Пушкин звал А. И. Тургенева на цыган, но он не поехал. На следующий день Пушкин писал жене: «Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пеня цыганок до сих пор голова болит» (XIV, 249)

«18 декабря Заезжал к Пушк<ину> и разбирал библиотеку

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,

И плети рабства ненавидя,
Предвидя в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Поэт угадал: одну мысль брат имел: одно и видел, но и поэт увеличил: где видел брат эту толпу? пять, шесть — и только!»

«24 декабря. Проводил П<ушкина>, слышал из 9-й песни Онегина и заключение: прелестно».

А. И. Тургенев смог сообщить эти крамольные строки Пушкина своему брату лишь по выезде за границу; 11 августа 1832 года он писал из Мюнхена в Париж: «Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России и упоминает, между прочим, и о тебе. <...> В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки»³².

Сведения о творческой истории последних глав «Евгения Онегина» крайне скудны. Каждый новый документ на вес золота; поэтому дневниковые записи А. И. Тургенева представляют первостепенный интерес.

По цензурным соображениям, Пушкин исключил для печати восьмую главу «Евгения Онегина»; девятая стала восьмой. В кругу же друзей он читал последние главы в первоначальной последовательности; для него «Евгений Онегин» продолжал состоять из девяти глав.

Однако свидетельство А. И. Тургенева, в свою очередь, вызывает вопросы. Что он именует заключением романа? Десятую сожженную главу? Но из его письма к брату видно, что декабристские строфы входили в «Путешествие Онегина», то есть в бывшую восьмую главу. Налицо противоречие; объяснить его можно только тем, что впоследствии Пушкин решил перенести политические строфы «Путешествия Онегина» в декабристскую хронику десятой главы. Это предположение подтверждается и бумагами Пушкина: одна из первых строф «Путешествия» («Наскуча щеголять Мельмотом») в рукописи зачеркнута, и сборку приписано: «в X песнь».

Стихи Пушкина о брате вызвали возражения А. И. Тургенева. Где увидел поэт «толпу дворян, освободителей крестьян», недоумевал Александр Иванович; ведь их было «пять, шесть — и только». Это прямая полемика с формулировкой Пушкина:

А. И. Тургенев считал, что поэт преувеличил размах декабристского движения

Сообщая стихи брату в Париж, Александр Иванович против строки «Хромой Тургенев им внимал» приписал: «т е. заговорщикам; я сказал ему, что ты и не внимал им и не знал их». Александр Иванович был искренне уверен, что его брат, уехавший за границу в 1824 году, юридически не ответствен за выступление декабристов на Сенатской площади.

С неудовольствием прочел Николай Тур-

Ф. И. Толстой
(«Американец»)
Портрет работы Рейхеля.

генев стихи Пушкина о себе; по его мнению, поэт поступил неосмотрительно, включив в роман строфы о декабристах: «Если те, кои были несчастливее меня и погибли, не имели лучших прав на цивилизацию, нежели Пушкин, то они приобрели иные права пожертвованиями и страданиями, кои и их ставят выше суждений их соотечественников»³³. Декабрист Н. И. Тургенев считал Пушкина некомпетентным вершить суд истории.

Н. И. Тургенев ошибся. Он недооценил гигантского возмужания Пушкина за время их разлуки. Даже в том виде, в каком до

нас дошли декабристские строфы романа, они изобличают глубокий и верный взгляд на подвижников 14 декабря, на значение их мужественного подвига для исторических судеб России. Поэт, считавший декабристов своими братьями, друзьями и товарищами, воздвиг им бессмертный памятник и в послании «Во глубине сибирских руд», и в декабристских строфах романа в стихах.

Чтением «Евгения Онегина» закончились московские встречи 1831 года

Д. Давыдов. Литография
К. Гампельна, 1830 е годы.

А. И. Тургенева с Пушкиным. Их беседы возобновились весной 1832 года, когда А. И. Тургенев проездом за границу три месяца пробыл в столице.

Большинство записей о встречах с Пушкиным в Петербурге крайне лаконичны — дата, место встречи, имена лиц, присутствовавших при свидании: Жуковский, Вяземский, Карамзины, А. О. Смирнова, Фикельмоны... Но в двух записях Александр Иванович расщедрился. Обратимся к ним.

«4 июня. <...> У Жук<овского> с Пушк<иным> о журнале».

Пушкин в это время добивался разре-

шения издавать газету «Дневник». Об этом замысле он и поведал А. И. Тургеневу. Прошел месяц, и Александр Иванович прислал Пушкину альманах «Album Littéraire», там были перепечатаны статьи из французских журналов. Он полагал, что материалы этого сборника могут пригодиться Пушкину для его издания, об этом свидетельствует надпись на обложке:

«Журналисту — Пушкину от гремушки-пилигрима. Любек. 6 июля 1832».

Газета «Дневник» так и не родилась на свет. Лишь четыре года спустя Пушкин стал издателем «Современника», а «гремушка-пилигрим» — сотрудником пушкинского журнала.

«18 июня. <...> В час сели на первый пароход. Велгурский, Мюральт, Федоров с сыном провожали нас³⁴. <...> В час тронулся пароход. Я сидел на палубе, смотря на удаляющуюся набережную, и никого, кроме могил, не оставляя в П<етер>бурге, ибо Жук<овский> был со мною. Он оперся на минуту на меня и вздохнул за меня по отечестве: он один чувствовал, что мне нельзя возвратиться. <...> П<етер>бург. окрестности были далеко; я позвал Пушкина, Энгельгарда³⁵, Вяземского, Жук<овского>, Викулина³⁶ на завтрак и на шампанское в каюту — и там оживился грустною и самым моим одиночеством в мире. <...> Брат был далеко. <...> Пушк<ин> напомнил мне, что я еще не за Кронштадт, куда в 4 часа мы приехали. Пересели на другой пароход: Николай I, на коем за год прибыл я в Россию; дурно пообедали, но хорошо пили, в 7 час<ов> расстался с Энгельгар<дом> и Пушкиным; они возвратились в П<етер>бург; Вяземс<кий> остался с нами, завидовал нашей участи».

Читая эту запись, мы переносимся в прошлое, видим пароходик, медленно идущий к Кронштадту, ощущаем непринужденную атмосферу дружеских проводов... Пробка ударила в потолок каюты, Пушкин и его друзья провозгласили тост за счастливое путешествие. Шампанское разгорячило умы, и А. И. Тургенев сказал что-то такое, о чем не положено было говорить в северной Пальмире. Пушкин напомнил Александру Ивановичу, что в России и стены имеют уши. Непривычно и странно было слышать такие слова от Пушкина; когда-то в конце 1810-х годов роли были иными — в то время Тургенев предостерегал не знавшего удержу поэта от эпиграмматических выходов противу властей. Как все изменилось! И залогом перемен было то, что остерегающие слова Пушкина

Петербург.

должны были быть сказаны, ведь они все были на подозрении у правительства, можно ли было поручиться, что их не сопровождает тайный соглядатай? Непрочно, очень непрочно чувствовал себя Александр Иванович; за отказ отступить от брата-декабриста он заслужил открытую неприязнь двора. Заграничный паспорт был ему выдан не сразу и лишь по личному распоряжению Николая I. А. И. Тургенев предложил Жуковскому ехать порознь; он опасался, что его общество повредит другу в глазах правительства. Но Жуковский настоял на своем: они ехали на одном пароходе, а Пушкин и Вяземский провожали их до Кронштадта.

Посетив Ганновер, Геттинген и Мюнхен, Александр Иванович уехал в Италию. Там,

на чужбине, он не раз вспоминал Пушкина «Уверяют, что один из остроумнейших авторов и по жизни своей старого Александра Пушкина и неизменного Вяземского напоминающий, есть поэт Gigaud, коего эпиграммы на все и на всех всем здесь известны»³⁷, — писал он 2 января 1833 года из Рима Вяземскому. Как точно подмечено душевное состояние Пушкина! Не стало веселого, жизнерадостного Сверчка...

В Италии и Швейцарии А. И. Тургенев провел полтора года, в конце мая 1834 года вернулся в Москву и вскоре уехал в Симбирск, в свое имение.

«1 июля. <...> О брат! отсутствие твое не мешает мне действовать здесь по сердцу твоему».

Это о брате Николае, который летом

1818 года, невзирая на протесты их матери, яркой крепостницы, перевел крестьян с барщины на оброк. Пушкин, конечно, знал о поступке Николая Тургенева, не единичном в те годы, и он был одним из тех, кого вспоминал поэт, когда писал в «Евгении Онегине»:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил.

В начале сентября 1834 года Александр Иванович был уже в Москве; туда же приехал Пушкин с женой и свояченицами.

8 сентября Александр Иванович был в театре в ложе у Пушкина, а на следующий день навестил его. Пушкин прочел ему отрывки из «Истории Пугачева». Вечером Тургенев получил записку от Пушкина: «Само по себе разумеется, что Пугачев явится к вам первому, как скоро выйдет из

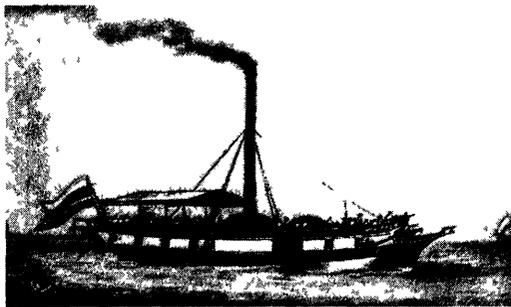
историческую прелесть. <Он устоял> против Пуг<ачева> и Разина».

А. И. Тургенев припомнил, что у него имеются материалы по истории Пугачева, и известил об этом Пушкина; поэт-историк ответил ему: «Это все у меня уже есть — будет напечатано в приложении. <...> Сейчас еду, лошади уже заложены» (XV, 190).

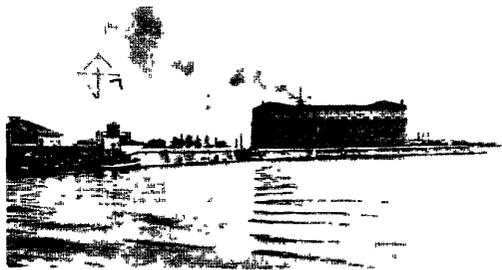
Месяц спустя, в начале октября 1834 года, Александр Иванович приехал в столицу и прожил там до середины декабря.

«15 октября. <...> Вечер у Пушкина: читал мне свою поэму о П<етер>бургском потопе. Превосходно. Другие отрывки...»

Несколько дней спустя Александр Иванович писал Вяземскому: «Пушкин вчера навестил меня. Поэма его о наводнении превосходна, но исчерчена и потому не пе-

Пароход на Неве.

Кронштадт.

печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников, по прозвищу Фирска. <...> Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени» (XV, 189). Записка продолжала беседу.

В тот же день А. И. Тургенев занес в дневник свои впечатления о встрече с Пушкиным. Лист этот частично истлел, и некоторые слова прочесть невозможно. Между тем записка Пушкина позволяет почти полностью восстановить текст:

«9 сентября. <...> к Пушкину. <Слушал не>сколько страниц Пугачева. Много любопытного и оригинального. (Текст поврежден.) сказав, что П<ушкин> расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. <Симбирск> всегда имел для меня

чатается. Пугачевщина уже напечатана и выходит»³⁸.

Поэму о Петербургском потопе — «Медный всадник» — Пушкин закончил еще в октябре 1833 года. Поэма была представлена на высочайшую цензуру. Николай I зачеркнул четыре строки и, кроме того, отметил ряд мест, подлежащих перемене. Пушкин не стал печатать поэму. По-видимому, год спустя он вновь вернулся к работе над поэмой; в это-то время он прочел ее Александру Ивановичу и вскоре, 9 декабря, записал ему перечеркнутые царем строки:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиросная вдова.

«16 октября < . > Вечер в Михайловском театре давали **Родольфа** и **La dame blanche** ³⁹. Театрик — прелестная игрушка < > Оттуда к Карамз-
<иным> и к Смирновой с Пушкиными — о Чадаеве»

По всей вероятности, Пушкин и А И Тургенев беседовали о «Философических письмах» Чадаева. Еще в 1831 году они читали в рукописи части этого историко-философского цикла. Позднее, в декабре 1836 года, после появления в печати пер-

Я ссудил его Пушкина для его издания этой Песни Пожалоства, поищите Пропадет, и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего, да и объяснения — по восточным языкам — важны» ⁴¹.

«1 ноября < > У меня сидели Пушкин и Соболевский ⁴² Первый о Вольтере, о Ермолове — одного со мною о нем мнения — О Ериванском Ермолове все перед ним ниц падает, лучше назвать Ерихонским»

Венеция

вого «Философического письма», Пушкин и Александр Иванович вернутся к обсуждению этой работы

«25 октября < > Писал к Пушкину и послал Песнь о полку Игореве с примечаниями Италинского» ⁴⁰.

Этот экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» (1800) долго хранился у Пушкина. После его смерти, 28 марта 1837 года А И Тургенев писал Жуковскому, принимавшему участие в разборе бумаг поэта «Может быть, найдется у вас и Песнь о Полку Игореву, in 4, в бумажке, с отметками карандашом Италинского

От дней лица до конца жизни творчество Вольтера привлекало внимание Пушкина. Имя фернейского философа много раз мелькает на страницах сочинений Пушкина. В 1834 году в статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин, критикуя художественный метод Вольтера, тем не менее называет его великаном XVIII века. В 1836 году Пушкин анонимно опубликовал статью «Вольтер». Эта статья, напечатанная в третьем томе «Современника», была написана по только что опубликованной в Париже переписке Вольтера с историком, президентом бур-

гундского парламента де Броссом и прусским королем Фридрихом II. Эта книжная новинка попала к Пушкину благодаря неустанным заботам А. И. Тургенева. Находясь в Париже, Александр Иванович приобрел этот том, надписал на нем: «к<нязю> Вяземскому», и отослал в Россию. Вяземский передал его Пушкину — и до сего времени он хранится среди книг Пушкина.

С генералом Алексеем Петровичем Ермоловым (1777—1861), имя которого

которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским» (VIII, 445).

Итак, Пушкин пересказал А. И. Тургеневу и С. А. Соболевскому остроу Ермолова. Ериванский Ермолов — это Иван Федорович Паскевич, сменивший в 1827 году Ермолова на посту управляющего Кавказским краем; он имел титул графа Эриванского.

Эту часть «Путешествия в Арзрум» Пушкин напечатал еще в «Литературной

Симбирск.

Емельян Пугачев.
Гравюра работы
Л. А. Серякова.

снова всплывет в беседах поэта с А. И. Тургеневым незадолго до дуэли, Пушкин познакомился в 1829 году. Во время своего путешествия на Кавказ он сделал лишних двести верст, чтобы заехать в Орел, где жил в то время в опале Ермолов. Два часа оживленно беседовали Пушкин и Ермолов. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал:

«Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. <...> Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед

газете» в 1830 году; страницы о Ермолове там отсутствовали — ни похвалы фрондирующему генералу, ни тем более порицание всеильному Паскевичу в печать не допускались.

Александр Иванович записал, что он сошелся с Пушкиным в мнении о Ермолове; каково же было их мнение? Безусловно, положительное, — это следует из сочувственной характеристики Ермолова в «Путешествии в Арзрум». К тому же Пушкин высказывал желание быть историографом генерала.

«6 ноября. День смерти Екатерины.

<...> Обедал и кончил вечер у Смирновых, с Жуков<ским>, Искулем⁴⁸ и Пушкиным. Много о прошедшем в России, о Петре, Екатерине».

Начиная с «Заметок по русской истории XVIII века» (1822), царствования Петра I и Екатерины II становятся предметом постоянных размышлений Пушкина. К 1827 году относится его замысел написать историю Петра I; с 1831 года он работал в архивах; на его рабочем столе, «на ферстаке», как говорил известный шутник граф Канкрин, остался незавершенный труд «История Петра»; среди его помет на монографии Вяземского о Фонвизине — помета о деятельности Екатерины II. Естественно, что в беседах с Александром Ивановичем Пушкин неоднократно возвращался к волновавшей его теме. Пять дней спустя, 11 ноября, А. И. Тургенев снова записал: «У Пушкина о Екатерине».

9 ноября А. И. Тургенев был вместе с Пушкиным и Жуковским на обеде у литератора-переводчика, чиновника министерства финансов П. П. Гетца (1793—1880). Когда-то А. И. Тургенев служил вместе с ним в министерстве народного просвещения под началом князя А. Н. Голицына. Гецц занимался фольклором; он издал в своем переводе на немецкий сборники русских и сербских песен. На обеде также присутствовали сослуживец хозяина дома Я. А. Дружинин (1771—1849), бывший, как Гецц, членом Российской академии; барон П. Л. Шиллинг (1786—1837), ученый и дипломат; журналист и переводчик Г. М. Яценко; Штакельберг, возможно, Густав Оттонович (1776—1850), граф, дипломат.

Остается лишь посетовать на лаконичность записи А. И. Тургенева — о чем шел разговор на обеде, неизвестно.

«13 ноября. <...> После обеда два раза у Карамзиных и в театре, в ложе Пушкиных, Фикельмон; играли изрядно: Les enfans d'Edouard. — Пушкин напомнил мои bon-mots⁴⁴; по чтению Карамзина в русской Академии: «Вперед не будет». Еще что-то — снова забытое».

5 декабря 1818 года Карамзин, почетный член «Арзамаса», автор «Истории государства Российского», литературный противник А. С. Шишкова, произнес в торжественном собрании Российской академии речь, которая имела шумный успех среди передовой общественности. В письме к Вяземскому А. И. Тургенев писал 11 декаб-

ря 1818 года: «Это было торжество не Академии, но Арзамаса, ибо почетный гусь наш, казалось, отделялся от лесных собратьев своих, как век Периклов и Александров отделяется от века Лудвига Благочестивого и Батыева»⁴⁵.

Полтора десятилетия спустя Пушкин напомнил Александру Ивановичу его остроу, произнесенную в дни триумфа Карамзина, — «Вперед не будет» относилось к А. С. Шишкову, который неосмотритель-

Зал Петербургского
Большого театра.
С акварели

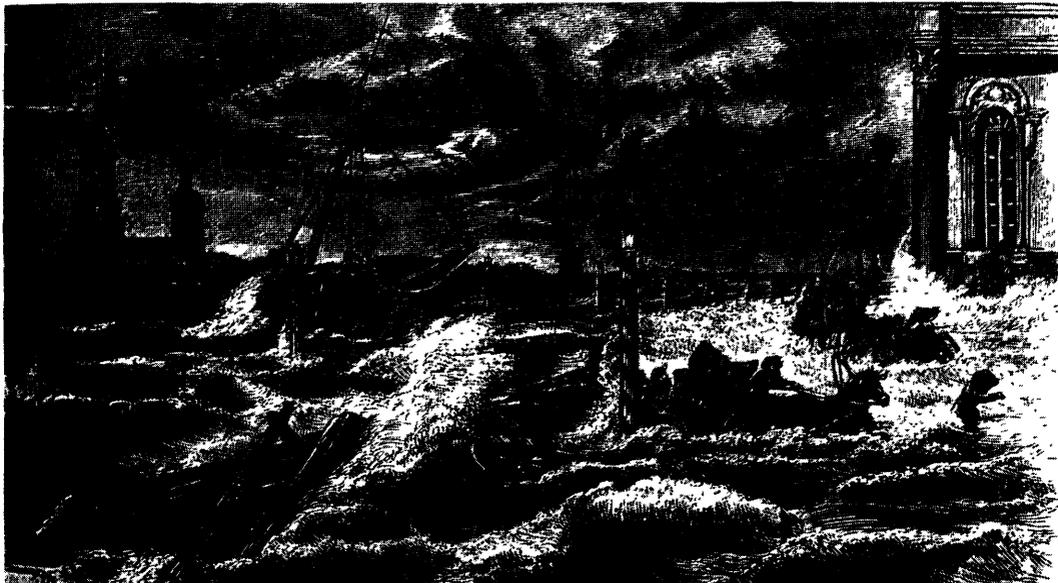
но послал историографу приглашение сказать речь в академии.

«16 ноября. <...> Обедал у новорожденной Карамзиной⁴⁶ с Жук<овским>, Пушк<иным>, Кушников<ым>. Последний о Суворове говорил интересно. Проврался о гр. Аракчееве по суду Жеребцова, «лежащего не быть», и казнивший беременных женщин спасен от казни, а сидевшие в крепости — казнены».

Эта запись скрывает разговор на острополитическую тему. Сергей Сергеевич Кушников (1765—1839), племянник Ка-

рамзина, адъютант Суворова во время итальянского похода 1799 года, рассказал («проврался», то есть проговорился) о заступничестве Аракчеева за новгородского губернатора Д. С. Жеребцова, который бесчеловечно вел следствие над лицами, заподозренными в убийстве Минкиной, любовницы Аракчеева. Вот как об этом писал Герцен, отбывавший ссылку в Новгороде и знавший подробности этого дела от очевидцев:

ника с поднятым кулаком: «Я вас сейчас велю арестовать, я вас отдам под суд, вы — изменник!» Исправник был арестован и подал в отставку. <...> Женщину пытали, она ничего не знала о деле..., однако ж умерла. <...> Губернатора велено судить сенату, оправдать его даже там нельзя было. Но Николай издал милостивый манифест после коронации, под него не подошли друзья Пестеля и Муравьева — под его подошел этот мерзавец»⁴⁷

Наводнение в Петербурге.

«Губернатор превратил свой дом в застенок, с утра до ночи возле его кабинета пытали людей. Старорусский исправник, человек, привычный к ужасам, наконец изнемог, и, когда ему велели допрашивать под розгами молодую женщину, беременную во второй половине, у него не достало сил. Он взмог к губернатору — это было при старике Попове, который мне рассказывал, — и сказал ему, что эту женщину невозможно сесть, что это прямо противно закону; губернатор вскочил с своего места и, бешеный от злости, бросился на исправ-

«17 ноября, <...> Обедал у Смирновой с Пушк<иным>, Жук<овским>, <текст испорчен> и Полетика⁴⁸. Пушкин о татарах: умнее Наполеона».

«19 ноября. <...> встретил Пушкина. С ним в англ<ийский> маг<азин>».

«21 ноября. <...> с Пушкиным осмотрел его библиотеку <...> Обедал у Смирн<овой> с Жук<овским> и Пушк<иным> и Скалоном»⁴⁹.

Снова раздумья Пушкина над историческими судьбами России, от татарского ига до нашествия Наполеона. Эта повержен-

ность к истории проистекала из настойчивого желания Пушкина светильником прошлого осветить настоящее и будущее своей родины.

Богатая библиотека Пушкина не могла не разжечь любопытства книголюба А. И. Тургенева. Хотя эта библиотека дошла до нас не в полном составе, опись ее, любовно составленная Б. Л. Модзалевским, поражает разносторонностью интересов Пушкина. Можно себе представить, с каким увлечением рассматривал Александр Иванович книжные сокровища Пушкина. Свою дружескую «лепту» в накопление этих сокровищ внес и он. Помимо «Album Littéraire», о котором мы упоминали, в библиотеке Пушкина было еще несколько книг, полученных от А. И. Тургенева. Вот томик латинских поэтов Катуллы, Тибуллы и Проперция. На синей печатной обложке надпись чернилами «Поэту Пушкину А. Тургенев». Вот итальянская книга «Диалоги о событиях, происшедших в 1831 году»; на ее обложке сверху написано чернилами рукой А. И. Тургенева «Рим. 1833 1/13...»

Два тома сочинений Вашингтона Ирвинга во французском переводе; на шмуцтитуле первого тома карандашная надпись: «Hôtel d'Autriche, Tourgueneff»⁵⁰. Наконец, французская книга Луи Пари «История России». Как видно из надписи на ней, автор подарил ее А. И. Тургеневу.

«24 ноября. <...> Вечер с Жук<овским>, Пушк<иным>, и Смирнов<ой>, угощал Кар<амзин>у у ней самой концертом Эйхгорнов⁵¹; любезничал с Пушк<иной>, и Смири<овой>, и Гончар<овой>. Но под конец ужасы Сухозанетские, рассказанные Шевичевой⁵², возмутили всю мою душу».

«Ужасы Сухозанетские» — рассказ о противоестественных наклонностях генерал-майора Ивана Онуфриевича Сухозанета (1788—1861), назначенного осенью 1833 года главным директором Пажеского и всех сухопутных корпусов. 29 ноября 1833 года Пушкин записал в дневнике, что в обществе осуждается «выбор Сухозанета, человека запятого, вошедшего в люди через Яшвиля — педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного война и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов» (XII, 315). Что и говорить, человеку с подобными наклонностями было в самую пору доверить воспитание юношества. Впрочем, это был

не единственный случай при Николае I — в те годы на посту министра народного просвещения находился С. С. Уваров, запятанный подобной же репутацией. Когда Пушкин написал стихотворный памфлет на Уварова «На выздоровление Лукулла» и для отвода глаз цензуры дал подзаголовок «подражание латинскому», то А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Спасибо переводчику с латинского. (Жаль, что не с греческого!) Биографическая строфа будет служить эпиграфом всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеил его бессмертным «поношением»⁵³.

29 ноября Александр Иванович, Пушкин, Жуковский и братья Вильгорские были в гостях у их общего приятеля Алексея Алексеевича Бобринского, графа, церемониймейстера двора, внука Екатерины II. «Обед Лукулла и три блюда с трюфелями отягчили меня», — записал А. И. Тургенев. В этот день гурман взял ремень над мыслителем: отягощенный роскошным обедом, Александр Иванович поленился рассказать нам о разговоре за столом; он лишь отметил, что «любезничал умом и воспоминаниями с милой и умной хозяйкой» Софьей Александровной Бобринской. Беседа с такой женщиной всегда возбуждала ум и чувства несправимого холостяка — А. И. Тургенева.

«1 декабря. <...> Оттуда к Пушкин<у>. В театре Михайловском государь и гос<ударын>я, а с ними Фридр.⁵⁴ с дочерью. — И Пушкины не пригласили меня в ложу... Итак, простите, друзья-сервилисты и друзья-либералы. — «Я в лес хочу!»

Горькая, трагическая запись! Она завершается пушкинскими словами из «Братьев-разбойников»; они подчеркивают одиночество, неприкаянность Александра Ивановича. «Неотразимые обиды» наносят ему не только друзья-сервилисты, экс-арзамасцы Д. Н. Блудов и С. С. Уваров, но и друзья-либералы: Пушкин, Жуковский, Вяземский...

Болезненная реакция А. И. Тургенева на нежелание пригласить его в ложу во время присутствия в театре Николая I понятна; ведь и наиболее проницательные общие знакомые заметили неловкость его положения; 4 декабря он записал в дневнике: «...Смирнова догадалась, что я догадался в театре».

Александр Ивановичу было тяжело. Не легче было и Пушкину. Порой он вынужден был идти наперекор собственным желаниям. Положение его при дворе было

исключительно сложным. После пожалования в камер-юнкеры в конце декабря 1833 года поэт стал особенно тяготиться жизнью в Петербурге. 22 июля 1834 года он записал в дневнике. «Прошедший месяц был бурен Чуть было не поссорился я со двором — но все перемололось — Однако это мне не пройдет» (XII, 331) В но-

А П Ермолов

ябре 1834 года Пушкин нарочно уезжал из столицы в Москву, чтобы не присутствовать вместе с другими камер-юнкерами на торжественном открытии Александровской колонны. По его собственному признанию, поэт до кончины Александра I «подсвистывал» ему; не захотел он воздавать и посмертные почести царю при открытии колонны. Анонимная эпиграмма на ее открытие:

В России дышит все военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом, —

слишком холодна и спокойна, чтобы можно было заподозрить в ее авторстве Пушкина. Напиши он эпиграмму на этот сюжет, она была бы глужей и язвительной.

После своего самовольного отъезда в

Москву Пушкин не встречал Николая I; тот вернулся в столицу из поездки по Пруссии лишь 28 ноября. Надвигалась новая неприятность: вскоре предстояло явиться на прием во дворец вместе с другими камер-юнкерами, Пушкин заранее решил уклониться от этого унижительного шага — стоять в одной почтительной шеренге с «молокососами 18-летними».

Мог ли Пушкин при этих обстоятельствах пригласить в ложу А. И. Тургенева, к которому Николай I относился крайне неприязненно? Подобное соседство было бы расценено царем как непочтительность, как демонстративное выражение независимости и строптивости. За несколько дней до своего отказа явиться во дворец Пушкин решил не обострять отношений с Николаем I. Было неловко перед Александром Ивановичем, было противно перед самим собою, но другого выхода не нашлось.

Досадный эпизод в театре ненадолго омрачил их дружбу; А. И. Тургенев смог понять поступок Пушкина, а понять значит простить, как гласит французская пословица

«2 декабря. < . > У Хитрово⁵⁵ с час проболтал с Тол<стой>⁵⁶, мило уговаривала меня не давать воли языку. <...> Маркиз Дуро допрашивал, почему государь не пропустил стихов Пушкина. <...> «tes rougquoi, marquis, ne imigaient jamais...»⁵⁷.

Александр Иванович перефразировал слова Вольтера «Из рассуждения в стихах о человеке»; там это крылатое выражение звучит так: «Твоим «почему», сказал бог, никогда не будет конца». Парируя вопросы недоброжелательных критиков, Пушкин в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы» вспомнил это изречение Вольтера. Теперь оно снова столкнулось с Пушкиным; острота Вольтера пришла на память Александру Ивановичу во время разговора о пометах Николая I на «Медном всаднике».

Пушкин не скрыл от своих друзей, как придирчиво отнесся Николай I к поэме о петербургском потопе; через салон австрийского посла графа Фикельмона, где поэт часто бывал, его слова стали известны в дипломатическом мире Петербурга. Узнал о них и посетивший в те дни Россию маркиз Дуро, сын английского политического деятеля герцога Веллингтона, узнал — и пришел в недоумение. Где было ему, человеку, приехавшему из страны политической свободы, уразуметь те незримые путы, которые тяготели над рус-

ской литературой? Как бы он удивился, если б узнал, что министр народного просвещения С. С. Уваров предлагал воздвигать «умственные плотины» противу просвещения.

«9 декабря. <...> Пушк<ин> <...> читал примечания письменные на Пугачева, представленные им государю. — N3. Прислать ему из Москвы слав<янские> книги».

Примечания письменные на Пугачева —

И. И. Тургенев.
Литография Зинфельдера

это «Замечания о бунте»; они были официально переданы царю через Бенкендорфа, с письмом к последнему от 26 января 1835 года. Запись А. И. Тургенева заставляет предположить, что сначала они были показаны Николаю I в частном порядке через кого-либо из влиятельных друзей Пушкина. Эта запись вскрывает перед нами закулисную сторону цензурных мытарств Пушкина.

«10 декабря. <...> вечер у Жуков<ско-го> до 3-го часа. Пушкин, Веулгорский, Чернышев-Кругликов⁵⁸, Гоголь. <про-

пуск> напомнил о шутке брата. Кн<язь> Адуев<ский>⁵⁹. Пили за здоровье **Ивана Ник.**».

Кто же этот Иван Николаевич, за здоровье которого пили Пушкин и его друзья? Перебираем в памяти знакомых пушкинского круга, — так звали лишь брата Наталии Николаевны — Ивана Николаевича Гончарова (1810—1881), корнета лейб-гвардии Гусарского полка. В таком избранном обществе пили за этого юнца? Невероятно! И второе недоумение: почему Александр Иванович подчеркнул слова «Ивана Ник.»? Между тем упоминание о «шутке брата», а также недавние именины Николая (6 декабря) наводят на мысль, что тост в квартире Жуковского был провозглашен за Николая Тургенева. Опасаясь, что дневник может попасть в руки чиновников III отделения и скомпрометировать его друзей, пивших за здоровье декабриста-изгнанника, А. И. Тургенев зашифровал запись: вместо Николая Ивановича он написал: Ивана Николаевича, — и подчеркнул эти слова.

Вскоре А. И. Тургенев уехал в Москву.

«17 декабря. <...> У Орловых: о Уварове, о стихах Пушк<ина>. Тут и Чадаев».

В доме видного деятеля декабристского движения Михаила Федоровича Орлова (1788—1842), проживавшего в то время в Москве под тайным надзором, Александр Иванович рассказывал обществу о последних произведениях Пушкина, которые поэт читал ему при их встрече в столице. Откликом этой беседы у Орлова явилось письмо А. И. Тургенева к Жуковскому, написанное в тот же день, 17 декабря: «Скажи Пушкину, что ожидают здесь все его Пугачевщины, а я со всеми. Мне нужно иметь ее прежде отъезда, а 3-го января надеюсь или страшусь уже не быть здесь...»⁶⁰.

А. И. Тургенев вновь уезжал за границу. 19 января 1835 года он просил Жуковского: «Пушкину скажи, что я долго ожидал от него Пугачева и беру с собою для Орл<ова>⁶¹ чужой экз<емпляр>. — Здесь все разобраны. Нет ни одного в лавках. Если желает послать ко мне, то пусть отдаст в канцелярию гр<афа> Нессельр<оде>, отошлют на Вену. Напр<имер> пусть отдаст сыну директора канц<елярии> гр<афа> Нес<сельроде> Кудрявскому; он меня знает, но поскорее; может и это сделать чрез Смирнова. N3 с своим

аутографом — на память старины священной!»⁶².

Как непосредственно и трогательно звучит последняя фраза! Забыта горечь на друзей-либералов, унеслось облачко минутной неприязни, нерушимой нежностью к Пушкину веет от этих слов А. И. Тургенева.

Не дождавшись в Москве желанного подарка, А. И. Тургенев писал Жуковскому

М. Ф. Орлов Портрет работы Г. Ризенера, 1814 г.

27 февраля 1835 года, на этот раз из Вены: «Экз<емпляр> Орлова, Пугачевщины, читал господь⁶³, и переходит из русских рук в руки. Я ожидал здесь получить другой экз<емпляр> для себя. Скажи поэту-историку, что его помнит именитая графиня (урожд. Урус<ова>). Посылаю в Москву множество указаний о новых явлениях в славянской литературе, и полное собрание песен народных, едва изданное. Пушкиным, Гончаровым поклон»⁶⁴.

Соименитая графиня — это Мария Александровна Мусина-Пушкина (урожд. Урусова, 1801—1853). Ее отец был женат на

Екатерине Павловне Татищевой, сестре русского посла в Вене, в доме которого и видел ее Александр Иванович. По свидетельству Вяземского, Пушкин был влюблен в Марию Александровну и посвятил ей стихотворение «Кто знает край, где небо блещет». Как установил М. А. Цяловский, оно относится к концу 1827 или к началу 1828 года, когда М. А. Мусина-Пушкина и поэт встречались в петербургском свете⁶⁵. Покоренный ее красотой, Пушкин писал, что «рай полуденной природы» и «чудеса немых искусств» бледнеют перед ней.

Небезынтересна строка А. И. Тургенева о том, что он посылает в Москву, то есть для самого себя (по адресу своей двоюродной сестры А. И. Нефедьевой он обычно пересылал бумаги в свой московский архив) известия о славянской литературе. Мы помним, что в декабре 1834 года Пушкин просил А. И. Тургенева выслать ему славянские книги. Следовательно, и эта фраза письма предназначалась для Пушкина А так как материалы в Москву А. И. Тургенев, как правило, посылал через Петербург, то возможно, что Пушкин ознакомился с этой посылкой

В марте 1835 года А. И. Тургенев приехал в Италию и занялся разысканием и изучением исторических бумаг в Ватиканском архиве.

9 апреля он писал Жуковскому: «Посылаю тебе и Пушкину по черепаховой лире из-под неба Виргилия, от Эоловой арфы»⁶⁶. Посылая изящный подарок, А. И. Тургенев вспомнил свое арзамасское прозвище, которым он не раз подписывал в журналах свои заграничные корреспонденции.

В июне — июле 1835 года А. И. Тургенев жил в Париже, в августе — в Лондоне, в сентябре вернулся во французскую столицу и зарылся с головой в архивы. О своих находках он сообщал в письмах; они были известны Пушкину; став издателем «Современника», он решил их опубликовать; 16 января 1837 года Пушкин писал А. И. Тургеневу: «Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы и также некоторые искривные, душевные слова, ибо не мечите etc. Что вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вот какое заглавие: труды, изыскания, **такого-то** или **А. И. Т.** в Римских и Парижских архивах Статья глубоко занимательная» (XVI, 218) Пушкину не довелось увидеть в печати эту статью: корреспонденция А. И. Тургенева появилась в

пятом томе «Современника», выпущенном друзьями после гибели его издателя.

В декабре 1835 года А. И. Тургенев писал Вяземскому, что «наконец добился я здесь Пушкина «Пугачева»: его читает теперь мой сожитель. Где автор, и не выседел ли чего на псковском пепелище?»⁶⁷.

Сожителем, по-видимому, назван Н. И. Тургенев. Далее Александр Иванович просил передать Пушкину, что у княгини Анны Александровны Голицыной должны находиться материалы по истории Пугачева; А. И. Тургенев явно знал, что Пушкин собирался выпустить второе издание своего труда, и хотел обогатить его новыми документами.

Пространные письма-корреспонденции А. И. Тургенева непрерывно шли из Парижа в Петербург. Они отправлялись с надежной оказией или с дипломатической почтой: это давало возможность писать свободно, то есть не опасаясь перлюстрации, о наиболее злободневных политических, общественных и литературных событиях. Эти письма читались и оживленно обсуждались в пушкинском кругу. 29 декабря 1835 года Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Я читал твое письмо в субботу у Жуковского, который сзывает по субботам литературную братию на свой олимпийский чердак. Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен etc. etc. Все в один голос закричали: «Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!»⁶⁸.

Письма А. И. Тургенева были сущей находкой для Пушкина-журналиста. 19 января 1836 года Вяземский писал А. И. Тургеневу в Париж: «Пушкину дано разрешение издавать журнал, род «Quarterly review». Прошу принять это не только к сведению, но и к исполнению и писать свои субботние письма почище и получше; только с тем, что ты не последуешь русскому обычаю вышереченному, то есть «тех же щей, да пожиже»; нет, «тех же щей, да побольше», потому что мы намерены расходовать тебя на здоровье журналу и читателям. Пушкин надеется на тебя»⁶⁹.

Письмо Вяземского задержалось. О журнале Пушкина Александр Иванович узнал стороной. 5 марта он писал Вяземскому и Жуковскому: «Последнее письмо мое с д'Андре⁷⁰ было от 29 февраля. Ему отдали его, когда уже он садился в коляску; другое было писано с ним же накануне.

Если бы я знал тогда, что Пушкин сделался журналистом, то уладил бы письмо так, чтобы он мог выбрать из него несколько животрепещущих крох с богатой трапезы европейской»⁷¹.

Пока шел обмен письмами, Пушкин и Вяземский уже «кроили» корреспонденции А. И. Тургенева для первого тома «Современника». Переписаны каллиграфическим почерком последние февральские «донесения» Александра Ивановича; им присваи-

СОВРЕМЕННОСТЬ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГИТТАНЕРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1836.

вается название «Париж (Хроника русского)». Три месяца спустя А. И. Тургенев, получив первый том пушкинского журнала, посылает в Петербург отчаянное письмо: «Сию минуту прочел я «Современник»: я еще весь в жару и в бешенстве. Никогда я не ожидал от вас такой легкости, едва ли не преступной, и неосмотрительности — разве я позволял вам печатать все ничтожности и личности? <...> Теперь ваша обязанность, обязанность Пушкина и Вяземского, спасти меня от дальнейших неприятностей, сказав, что это я посылал к себе

мой дневник, не скрывая ни дел, ни мнений от друзей, но никогда не желая о других мыслить вслух с публикой. <...> Подумайте об исправлении сколько возможно вашей обидной для меня ветрености. Повторяю запрещение печатать что-либо во второй книжке, кроме объяснения в мою пользу»⁷².

Упреки А. И. Тургенева справедливы лишь отчасти: он не подумал о том, что цензурные изъятия обеднили текст «Хроники русского» и второстепенные события невольно выдвинулись на передний план. Между тем Пушкин и Вяземский охотно исполнили просьбу Александра Ивановича — во втором томе «Современника» появилось редакционное объяснение; защита автора «Хроники русского» от возможных нареканий, оно в то же время с разительной верностью характеризовало неповторимый «почерк» его корреспонденций:

«Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражений, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом про себя, когда следовало бы ему писать про других. Мы имели случай стороной подслушать этот à part⁷³, подсмотреть эти ежедневные, ежеминутные отметки, и торопились, как водится ныне в эпоху разоблачения всех тайн, поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями «Современника». Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертамстройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, бульварных, академических, салонных, кабинетных движений, — так сказать стенографировать эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни»⁷⁴.

Редакционное объяснение удовлетворило А. И. Тургенева. В четвертом томе «Современника» было опубликовано продолжение «Хроники русского».

Пушкин отбирал корреспонденции и для следующих номеров «Современника». Смерть Пушкина нанесла непоправимый урон печатанию «Хроники русского». 4(16) февраля 1838 года А. И. Тургенев жаловался Вяземскому: «Спасибо за письма и за книги, но досадно, что ты,

продержав у себя мои некогда интересные письма, ни слова прежде не сказал мне, что они не годятся для «Современника». Пушкин не так думал, и одна тетрадь была им самим приготовлена к изданию. Какое же право имели издатели отбросить ее?»⁷⁵ Было несказанно обидно, и два дня спустя Александр Иванович заносит в дневник: «Теперь все приутихло в уме, как и в сердце, особливо с тех пор, как журнал Пушкина предпочитает статьи о **тамбовском патриотизме** письмам, коих строки Пушкин хотел вырезать на меди — золотыми буквами!»⁷⁶

Однако мы невольно забежали вперед. Вернемся к 1836 году. 29 февраля А. И. Тургенев сообщал Вяземскому: «Вчера провел я первый вечер у Ламартина. Он просит у меня стихов Пушкина в прозе; стихов переводных не хочет. Я заказал сегодня графу Шувалову перевести, но еще не остановился на выборе пьесы»⁷⁷. Пушкин, вероятно, знал об интересе Ламартина к его творчеству; ведь месяцем раньше Вяземский писал А. И. Тургеневу, чтобы тот «в ожидании стихов Пушкина» перевел и передал Ламартину какое-нибудь стихотворение Кольцова⁷⁸. Впрочем, сам Пушкин не был поклонником Ламартина. Если в 1823 году в черновике письма к Вяземскому были строки о том, что «первые думы Ламарт<ина> в св<оём> роде едва ли не лучше Дум Рыл<еева>» (XIII, 381), то с середины 1820-х годов его отзывы о французском поэте становятся все холоднее. В одной из заметок 1830-х годов Пушкин вспомнил о том, «как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые Размышления» (XI, 175). В глазах Пушкина благочестие отнюдь не было проявлением глубокого ума и искреннего чувства. «Благочестивому» Ламартину Пушкин противопоставлял «любезного повесу» Альфреда де Мюссе: «Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостью самые обаятельные описания покойного Парни» (там же).

Об этом «любезном повесе» Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Альфред Мюссе решительно головою выше в современной фаланге французских литераторов. Познакомься с ним и скажи ему, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил...»⁷⁹.

Совет Вяземского пришелся по душе Александру Ивановичу; он вскоре познакомился с Альфредом де Мюссе и, надо

думать, перedal ему лестный отзыв своих петербургских друзей.

В середине июня 1836 года Александр Иванович выехал из Парижа на родину. Посетив по дороге осиротевший Веймар и поклонившись праху Гёте, он приехал в Москву. Затем он совершил двухмесячную поездку в Симбирск и Тургенево и вернулся в Москву в начале октября.

20 ноября 1836 года Александр Иванович выехал в Петербург. Наступили меся-

Дом в Стратфорде, в котором родился Шекспир.

цы самых тесных его отношений с Пушкиным. В письме к И. С. Аржевитинову, своему двоюродному брату, А. И. Тургенев писал 30 января 1837 года: «Последнее время мы часто выдались с ним и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие...»⁸⁰.

В 1928 году П. Е. Щеголев опубликовал выдержки из дневника А. И. Тургенева с 25 ноября 1836 года по 19 марта 1837 года⁸¹. Исследователь привлек для своей работы лишь те записи, которые относились к дуэли и смерти поэта. Наиболее содержательные, насыщенные идейной информацией записи А. И. Тургенева о его беседах с Пушкиным остались без пояснения. Позднее только небольшая часть их привлекла внимание пушкинистов (М. П. Алексеев, И. Л. Фейнберг). Попытаемся же не торопясь прочесть эти записи.

«15 декабря. <...> вечер у Пушкиных до полуночи. Дал песнь о полку Игореве для брата с надписью. О стихах его, Р. и

Б.⁸² Портрет его в подражании Державину: «весь я не умру!» О М. Орл<ове>, о Кисел<еве>, Ермол<ове> и к. Менш<икове>. Знали и ожидали, «без нас не обойдуся». Читал письмо к Чадаеву, не посланное».

Начало этой записи прокомментировано самим А. И. Тургеневым в его письме к брату в Париж: «О песне о Полку Игореве» переговорю с Пушкин<ым>, который ею давно занимается и издает с примечаниями. <...> Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о Полку Игореве, коей он приготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы Богемский и Польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экз<емпляра> этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не умерить его критику, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий слав<янских> и языка русского»⁸³.

Смерть прервала работу Пушкина над «Песней...» — статья его не была дописана; не удалось ему довести до конца и редактирование перевода «Песни...», сделанного Жуковским.

После «Песни...» разговор зашел о современной поэзии. Пушкин прочел «Памятник» — «портрет его в подражании Державину», как записано в дневнике. М. П. Алексеев, посвятивший обширный труд этому стихотворению⁸⁴, установил, что сохранилось лишь два достоверных свидетельства о «Памятнике», относящихся к 1836 году, то есть ко времени его создания, — это письмо Александра Карамзина к брату Андрею, датированное 31 августа 1836 года, в котором сообщалось, что Пушкин читал это стихотворение Н. А. Муханову, и дневниковая запись А. И. Тургенева.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил

я свободу
И милость к падшим призывал (III, 424).

Обсуждение «Памятника», естественно, перешло в разговор о декабристском движении. Речь зашла об А. С. Меншикове, участвовавшем вместе с М. Ф. Орловым в преддекабристском Ордене Русских рыцарей, о генерале Ермолове, о начальнике штаба 2-й армии П. Д. Киселеве. Все эти лица составляли негласный резерв декабристов; недаром кому-то из них принадлежит фраза, записанная А. И. Тургеневым: «без нас не обойдутся».

Разговор о событиях 14 декабря, о судьбах России подвел собеседников к «Философическому письму» Чаадаева. За этот глас вопиющего в пустыне автор, по приказу царя, объявлен был сумасшедшим, журнал «Телескоп» запрещен, Н. И. Надеждин, редактор его, сослан в Усть-Сысольск под надзор полиции. При обыске у Чаадаева изъяли брюлловский портрет Александра Ивановича с подписью «Без боязни обличаху»; это был старинный девиз рода Тургеневых.

За неделю до репрессий, обрушившихся на Чаадаева, А. И. Тургенев писал Жуковскому: «Я и сам не на шутку попал на Ч<аадаева>, как скоро узнал, что письмо его напечатано, да и он за мое нападение тогда не на шутку за меня рассердился, но с тех пор, как вся Москва, от мала до велика, от глупца до умника, от к<нязя> Г<олицына> до Баратынского, опрокинулась на него и он сам пришел в какую-то робость, мне уж его и жаль стало»⁸⁵.

Пушкин не остался в стороне от общих толков. 19 октября он писал Чаадаеву подробное письмо; написал, но не отправил. Серьезная полемика была немыслима и к тому же небезопасна.

Пушкин был согласен с мрачной оценкой современного состояния России; но он решительно отверг чаадаевский тезис о том, что у России нет прошлого; он напоминал Чаадаеву о многих славных страницах русской истории.

До чего же близким единомышленником считал Пушкин Александра Ивановича, если именно ему прочел положенное под спуд письмо. А прочесть было необходимо; письмо жгло; оно не давало покоя; хотелось проверить силу аргументации, внутреннюю логику доводов. Для нас, знающих исторические и общественные взгляды А. И. Тургенева, несомненно, что в споре с Чаадаевым он взял сторону Пушкина.

Какой разнообразный круг вопросов подвергался суду Пушкина и А. И. Тургенева! Под влиянием затянувшейся до полно-

чи беседы Александр Иванович вскоре писал своей знакомой, хозяйке московского литературного салона Екатерине Александровне Свербеевой: «Пушкин мой сосед. Он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озабоченным и не принимающим в разговоре того участия, которое прежде было столь значительным. Я не из их числа, и мы с трудом кончаем разговор, в сущности, не закончивая его, то есть никогда не исчерпывая начатой темы»⁸⁶.

Перед нами возникают два образа Пушкина: один — камер-юнкера двора его императорского величества, затравленного постыдными дипломами и злыми языками, ожесточенного до предела; другой — поэта, оживленного и словоохотливого в обществе Александра Ивановича.

«21 декабря. <...> Пушкину обещал о Шотландии. После обеда у князя Вяз<емского> с Пушкиным и пр<очими>».

Александр Иванович исполнил свое обещание 9 января; под этой датой отмечено, что передал Пушкину «выписки из моего журнала о Шотландии и Веймаре».

Выписки А. И. Тургенева о Веймаре Пушкин сразу же стал готовить к печати; под названием «Отрывок из записной книжки путешественника (Веймар. Тифурт. Дом и кабинет Гёте. Письмо к нему В. Скотта)» они появились в пятом томе «Современника», вышедшем в свет после смерти Пушкина.

Выписки о Шотландии до сего времени неизвестны. Однако сюжет их ясен: Александр Иванович передал Пушкину описание своей поездки из Лондона в Абботсфорд летом 1828 года. Посещение шекспировских мест, Оксфорда, Вудстока и Кенильворта, знакомство с Робертом Саути, трехдневное пребывание в гостях у Вальтера Скотта — вот о чем рассказывалось в «выписках» А. И. Тургенева.

На основании заметок Пушкина и других материалов выявлен целый ряд работ, которые издатель «Современника» собирался включить в ближайшие номера журнала. Теперь к этому списку следует добавить шотландский «цикл» А. И. Тургенева, представляющий замечательную мемуарную хронику; этот жанр особенно привлекал внимание Пушкина.

24 декабря Александр Иванович был в гостях у графини Эмили Карловны Мусиной-Пушкиной. «Я сидел подле Пушкина и долго и много разговаривал. Взяемский порадовал действием, произведенным

моей Хроникой. Пуш<кин> о Мейендорфе: притворяется сердитым на меня за то, что я хотел спасти его. Пушк<ин> назвал к себе. <...> Читал роман Пушкина».

В эти дни вышел в свет четвертый том «Современника»; в нем было напечатано продолжение парижской «Хроники русского» — о благоприятных отзывах на нее сообщил Вяземский. В этом же номере «Современника» появилась «Капитанская дочка», которую вечером, вернувшись от Пушкина, читал А. И. Тургенев.

Вальтер Скотт.

Слова Пушкина о бароне Мейендорфе расшифровать не удалось. Ясно лишь одно: последний вел себя недостойно; 17 января Александр Иванович записал: «Подлы движения Мейендорфа». По-видимому, он отплатил неблагодарностью за хлопоты о нем А. И. Тургенева.

«25 декабря. <...> к Карам<зиным>. С Пушкиным выговаривал ему за словцо о Жуков<ском> в IV № Соврем<енника> (Забыл Барклая)».

Стихотворение Пушкина «Полководец», посвященное Барклаю де Толли, вызвало полемику. Л. И. Голенищев-Кутузов, пле-

мянник Кутузова, в своей брошюре упрекал Пушкина в желании умалить заслуги великого полководца. Пушкин вынужден был напечатать объяснение⁸⁷, в котором писал: «...не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру...» (XII, 134). Действительно, в стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» Барклай де Толли не упомянут среди героев Отечественной войны 1812 года.

Этот частный случай имел для Пушкина более широкое значение. В эти годы мысль о забвении заслуг исторического лица, будь то полководец или писатель, часто всплывала в его сознании. Вполне вероятно, что, упрекая неблагодарных современников, Пушкин мог думать и о собственной судьбе.

В последние дни года на страницах дневника А. И. Тургенева начинает мелькать имя Гизо. 26 декабря он беседовал с французским послом Барантом о какой-то речи Гизо, 27 декабря Барант прислал ему эту речь. Наконец, 30 декабря он записал: «Жук<овский>, Пушк<ин>, Блуд<ов>, Уваров о Гизо».

Имя Гизо, французского историка и политического деятеля, было отлично известно Пушкину. Еще в «Графе Нулине» (1825) Пушкин, иронизируя над своим героем, писал, что он вернулся из чужих краев «с ужасной книжкой Гизота» — намек на его политические памфлеты либерального толка. В начале 1830-х годов, задумав писать труд о французской революции, Пушкин читал исторические сочинения Гизо; в библиотеке Пушкина сохранились книги Гизо, в переписке не раз упоминаются его работы. Чем же был вызван повышенный интерес к Гизо в декабре 1836 года?

10(22) декабря в Париже при большом стечении публики на место умершего философа, экономиста, члена Конвента во времена Великой французской революции Дестю де Траси был избран Гизо; в этот день он стал одним из сорока «бессмертных» Французской академии. По установленному ритуалу Гизо произнес речь — надгробное слово своему предшественнику. Именно эта речь и обсуждалась в петербургских салонах.

Гизо запечатлел жизненный путь Дестю де Траси на грозном небосклоне французской истории. Его речь была величественным дифирамбом «великому столетию, ко-

торое завоевало мир», восхвалением «великого философа, последнего из поколения великих философов»⁸⁸. Гизо прославлял титанов мысли XVIII века — Монтескье и Руссо, Вольтера и Бюффона, Кондильяка и Гельвеция, Дидро и Дестю де Траси.

В его речи попеременно слышались два голоса: то уверенный голос самого Гизо, представителя нового времени, нового поколения, принявшего эстафету прогресса и просвещения от великих энциклопедистов; то голос Дестю де Траси, разочарованного тем, что не удалось установить на земле царство разума. Якобинская диктатура и наполеоновское самовластие сокрушили его веру в человечество. Правда, он дожидался возрождения популярности своих учителей, дождался и собственного успеха. Но «настоящее его не удовлетворяло, к будущему он не питал доверия»⁸⁹.

А. И. Тургенев не поделился с нами выписками Пушкина о речи Гизо. Но, зная высказывания Пушкина о современной ему Франции, можно предполагать, что ему был ближе скепсис Дестю де Траси, нежели оптимизм Гизо.

«6 января <...> (1837 г. — М. М.) в 10 час. вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкин<ым>, Барантом, кн. Вязем<ски>м. Хитрово одна слушала, англичанин после вмешался. Барант рассказывал о записках Талейрана, кои он читал, с глазу на глаз с Тал<ейраном>, о первой его молодости и детстве. Много нежного, прекрасного, напоминающего les Confessions de J. J. Rousseau⁹⁰. В статье о Шуазеле, коего не любит Тал<ейран>, много против Шуазеля. Шуазель дурно принял Талейрана и не любил его. Бакур будет издателем записок его. О Лудвиге XVIII, как редакторе писем и записок. Письмо к дофину, отданное Деказу. О записках Екатер<ины>, о Потемкине. Письмо Монтескье по смерти Орлеанского. После Монтескье осталось много бумаг, они были у Лене, для разборки и издания: вероятно, возвращены внуку Монтескье, недавно умершему в Англии, и пропали. С Фикельмоном: о книге Лундмана. У него есть шведская рукопись Бока, шведа, пленного, сосланного в Сибирь, откуда он прислал рапорт о войне в Штокгольм, обвиняя во многом Карла XII. С Либерманом о Минье; с Хитровой и Аршияком — о плотской любви. Вечер хоть бы в Париже! Барант предлагал Пушкину перевести Капитанскую дочь».

Эта запись позволяет нам понять мир умственных интересов Пушкина; показы-

вает, что предчувствие неумолимо надвигающейся трагической развязки не опустошило его деятельный ум, не лишило его восприимчивости к интеллектуальным впечатлениям бытия.

Подробности об этом вечере содержатся в письме А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову: «...мы провели очаровательный вечер у австрийского посла: этот вечер напомнил мне самые интимные салоны Парижа. Составился кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра⁹¹ и вашего покорнейшего слуги. Мы беседовали, что очень редко в настоящее время. Беседа была разнообразной, блестящей и очень интересной, так как Барант рассказывал нам пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он прочел; Вяземский вносил свою часть, говоря свои острые словечки, достойные его оригинального ума. Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты Петра I и Екатерины II, и на этот раз я тоже был на высоте этих корифеев литературных салонов...»⁹².

Беседа имела явно «мемуарный» характер. Французский посол Проспер Барант и, как будет видно далее, А. И. Тургенев рассказывали о неизданных мемуарах Талейрана. Пушкин, крайне интересовавшийся в 1830-е годы мемуарами, воспоминаниями, хрониками — словом, документальными литературными жанрами, откликался рассказами, почерпнутыми из мемуарных источников, из засекреченных, но тем не менее известных Пушкину записок Екатерины II, из свидетельств современников ее царствования. Разговор шел откровенный: историки Пушкин и Барант, разыскатель исторических бумаг А. И. Тургенев не славословили сильных мира сего, а судили их неподвзятым просвещенным судом, отдавали должное их заслугам, порицали их пороки.

Слова Александра Ивановича о том, что на этот раз он «тоже был на высоте этих корифеев литературных салонов», можно легко расшифровать, если прочесть его заграничные дневники.

Александр Иванович лично знал Талейрана по Парижу и Лондону, бывал в салоне герцогини Талейран-Перигор, супруги племянника Талейрана. Теперь было самое время блеснуть перед слушателями искрометной импровизацией о первом французском дипломате. Вдобавок А. И. Тургенев был наслышан о мемуарах Талейрана; он мог рассказать — и конечно рассказал — о них кое-что примечательное. Вот его записки за 1828 год.

«31 марта. Полночь. Обедал у Лансдова-на с Дюмоном <...> и с другими. Дюмон говорил много о Каподистрии, о Бонштитине, о Талейране и пр. Сказывал черту Каподистрии», отказавшегося от пенсии, которую предлагал ему император <Николай>, сказав, что когда будет иметь в оной нужду, то к нему первому обратится.

Дюмон читал многое из записок Талейрана в Женеве, где Талейран провел с неделю. Примечательнейшее есть конгресс Эрфуртский, коего подробности и тайны никому еще доселе неизвестны. — Я пересказал Николаю все, что слышал, а он пересказал мне то, что знал о предложении государя, чрез барона Штейна, посылавшего с письмами о сем Николая из Нанси в Женеву к Пиктету — французам Бурбонов. Только Штейн и Поцци были за них из русских. Несельроде и другие толковали о мире с Наполеоном»⁹³.

Речь шла о закулисной дипломатической борьбе: вынужденный после заключения Тильзитского мира (1807) пойти на сближение с Наполеоном и подписать в октябре 1808 года Эрфуртскую конвенцию, Александр I предпринимал первые тайные шаги, направленные к реставрации династии Бурбонов.

«25 апреля. <...> Дюмон сидел у меня и говорил о записках Талейрана, кои он читал ему. Желая убедить его в достоверности своих записок, Талейран прочел ему те части повествования, в коих происшествия известны Дюмону, как свидетелю, очевидцу оных. Он нашел одну истину и рассказ верный и оригинальный. Талейран», по мнению Дюмона, более нежели кто-нибудь знает историю своего времени; начинает оную с своего детства, с вступления в духовное звание — и тотчас переходит к революции. Ум его и разговор необыкновенно блистательный: madame Stahl признавалась Дюмону, что она определила для себя почти все роды умов, но Талейранова ума по сию пору постигнуть, или по крайней мере определить, не может. Дюмон отвечал ей, что его разговор отличается тем, что он обыкновенно перескакивает две или три идеи *inter medias res*⁹⁴ и заставляет слушающего отгадывать их и находить развязку в той мысли, которую содержит сказанное слово Талейрана. В пример сего Дюмон привел ответ Талейрана, когда его спросили о герцогине Ришелье: «C'est l'homme du monde qui connaît le mieux l'administration d'Odessa»⁹⁵. Слушателю приятно самому придумать все

то, что нужно первому министру Франции вдобавок к познанию — Одессы!»⁹⁶.

Рассказы Баранта и А. И. Тургенева о Талейране не могли не заинтересовать Пушкина Талейран был слишком заметной фигурой европейской истории за последние полвека, чтобы можно было оставаться безучастным к нему. Но интерес не означал одобрения. Пушкин порицал правление Луи Филиппа, и он переносил свое осуждение на тех политических деятелей, которые помогали упрочению нового режима 21 августа 1830 года Пушкин с убий-

Гизо. Портрет работы П. Делароша.

ственной иронией писал Е. М. Хитрово: «Брак г-жи де Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен; а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция» (XIV, 415; подлинник по-французски).

«9 января. <...> Я зашел к Пушкину: он читал мне свой *pastiche*⁹⁷ на Вольта и на потомка Jeanne d'Arc⁹⁸. Потом он был у меня и мы рассматривали французские бумаги и заболтались до 4-х часов». Ермолков, Орлов, Киселев все знали и ожидали: без нас дело

не обойдется. Ермол<ов>, желая спасти себя, спас Грибоедова. Узнав, предварил его за два часа. Обедал у Татар<инова>. Зашел опять к Пушкину. Прочел ему письмо мое о Жюльвекуре <...> Дал Пушкину мои письма, переписку Бонштеттена с m-me Stahl, его мелкие сочинения; выписки из моего журнала о Шотландии и о Веймаре».

По этой записи можно судить, как стремительно шло сближение Пушкина с А. И. Тургеневым. Они буквально не могут обойтись друг без друга, встречаясь по несколько раз в день. Сначала Александр Иванович зашел к Пушкину и тот прочел ему только что написанное произведение «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». Затем Пушкин посетил А. И. Тургенева и рассматривал вместе с ним копии документов по истории России, извлеченные из парижских архивов. Вслед за осмотром исторических бумаг разговор обратился к делу о декабристах. Как и во время их беседы 15 декабря, вновь стали мелькать имена Ермолова, М. Ф. Орлова, П. Д. Киселева; всплыло и имя Грибоедова, которого спас Ермолов: генерал предупредил его о предстоящем аресте по делу восстания на Сенатской площади — Грибоедов успел уничтожить компрометирующие его самого и Ермолова документы⁹⁹.

И, наконец, третий раз в этот день встречаются Пушкин и Александр Иванович. Последний снова зашел к Пушкину с ворохом бумаг. Он передал Пушкину очередную пачку писем-корреспонденций, выписки из своего дневника о Шотландии и Веймаре, сочинения швейцарского писателя Карла Виктора Бонштеттена и его переписку с мадам де Сталь. Со скончавшимся в 1832 году Бонштеттеном А. И. Тургенев был лично знаком, мог рассказывать Пушкину о нем по своим встречам в Швейцарии. Кроме того, А. И. Тургенев прочел Пушкину свое письмо о французском писателе Поле де Жюльвекуре.

Один перечень тем показывает, какими насыщенными до предела были три свидания Пушкина с А. И. Тургеневым в этот короткий январский день.

Многое сближало их в эти дни: подготовка «Хроники русского» для «Современника», обозрение архивных сокровищ А. И. Тургенева, библиотеки Пушкина, собеседования по широкому кругу исторических и злободневных вопросов — словом, общность умственных интересов.

Сближала их и забота А. И. Тургенева

о журнальных делах Пушкина. В эти дни Александр Иванович писал в Париж:

«1837 13/25 Janvier

<...> J'aurai bien désiré de recevoir une lettre de Mr. Marmier, avec quelques détails sur son voyage. Dites le lui de ma part. Cette lettre retentirait dans le **Современник** — **Contemporain**, journal écrit Poushkin, notre premier poète. Tachez s'en obtenir une de Mr. Marmier et rappelez lui sa promesse. Elle peut être courte, mais elle sera tous près bonne¹⁰⁰.

(Перевод: «1837 13/25 января

<...> Я хотел бы получить от Мармье письмо с некоторыми подробностями его путешествия. Скажите ему об этом от меня. Это письмо появилось бы в «Современнике», журнале Пушкина, нашего первого поэта. Возьмите на себя труд заполнить письмо от Мармье и напомнить ему о его обещании. Письмо может быть коротким, но оно должно быть довольно искусным».)

Ксавье Мармье (1809—1882) — французский литератор; в середине 1830-х годов он принимал участие в экспедиции, снаряженной Французской академией в Скандинавские страны; в 1837 году в журнале «Московский наблюдатель» были напечатаны его путевой очерк «Природа в Дании» и литературное эссе «Жизнь поэтов». После смерти Пушкина он побывал в России и издал в 1843 году «Письма о России, Финляндии и Польше». Позднее Ксавье Мармье перевел на французский язык повести Пушкина и написал о нем статью. Вот этого-то французского писателя приглашал Александр Иванович участвовать в «Современнике».

Было еще одно обстоятельство, из-за которого так сильно, хотя, по всей вероятности, безотчетно, стремились друг к другу Пушкин и Александр Иванович. О положении Пушкина в дни надвигавшейся катастрофы писалось много, оно хорошо известно, и нет нужды повторяться. Отверженным чувствовал себя и А. И. Тургенев. 14 января он записал: «Опять от меня многие отворачивались, но и я от многих»; поколебалась уверенность даже в дружбе Жуковского:.

«Нужны ли мы друг другу?» — с горечью писал он в тот же день.

«15 генваря. <...> Зашел к Пушкину; стихи к Морю о брате. <...> Стихи Пушкина к гр. Загр<евско>й».

Подробнее об этом свидании Александр Иванович писал И. С. Аржевитину: «...прочел он мне наизусть много стихов, коих я не знал, ибо они не были напеча-

таны. Одни более других мне понравились и тем уже, что написаны давно по случаю распространившегося слуха, что будто брат Н<иколай> выдан англичанами; стихи адресованы к другому поэту, который написал стихи К морю и славил его»¹⁰¹.

Другой поэт — Вяземский. Летом 1826 года он жил в Ревеле, где, узнав о расправе над декабристами, написал стихотворение «Море»; поэт противопоставлял злостнейшим преступлениям земле чистую морскую стихию, воспевал «светлые, вечно юные» волны. Свое стихотворение Вяземский послал в Михайловское. Вскоре он получил ответ Пушкина:

«Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славись лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Т<ургенева> привезли на корабле в П<етер>Б<ург>? Вот каково море наше хваленое!» (XIII, 290—291).

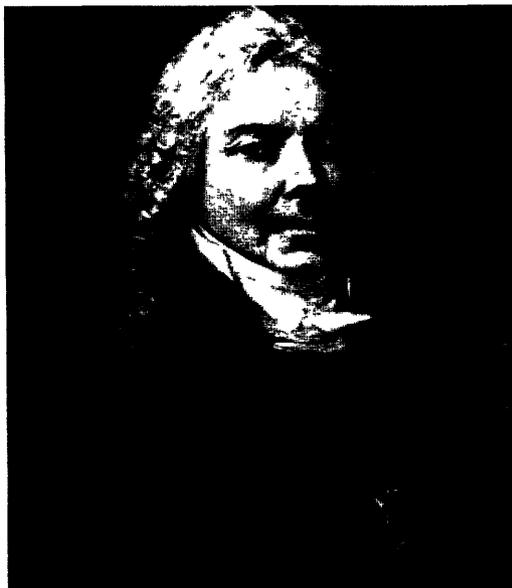
Слух оказался ложным.

Не случайно в тяжелые преддуэльные дни в памяти Пушкина всплыли эти строки: пессимистический афоризм, завершающий философическое раздумие, с особой силой звучал для него в это время. Сочувственный отзыв нашло оно и в душе Александра Ивановича; он попросил список стихов; на следующий день поэт исполнил его просьбу; 21 января А. И. Тургенев отослал их в Париж брату, нечаянному виновнику пушкинского шедевра.

15 января Пушкин читал Александру Ивановичу также и другие неопубликованные стихи; в дневнике они не обозначены; лишь несколькими строками ниже сказано о стихах Пушкина к Аграфене Федоровне Закревской Пушкин посвятил ей три стихотворения. Какое из них имеет в виду А. И. Тургенев? Стихотворения «Портрет» и «Наперсник» были напечатаны в «Северных цветах» на 1829 год; следовательно, речь идет о третьем, которое при жизни Пушкина не публиковалось:

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой,
Но жалок тот, кто молчало,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову, ревниво,
Признанья слушает твои (III, 661).

Читая Александру Ивановичу эти строки, Пушкин мог мысленно переадресовать их Наталии Николаевне Но это уже

Талейран Портрет работы П. Прудана

область догадок и предположений, которые нельзя ни опровергнуть, ни доказать.

«21 января. <...> Зашел к Пушкину: о Шатобриане и о Гете, о моем письме из Симбирска — о пароходе, коего дым прост глаза нашей татарщине».

Это смелое, образное выражение сорвалось с пера А. И. Тургенева 7 сентября 1836 года в письме к Вяземскому: «Как мое Европейство обрадовалось, увидев у Симбирска пароход, плывущий из Нижнего к Саратову и Астрахань. Хотя на нем сидели татары и киргизы! Отчизна

Вальтера-Скотта благодетельствует родине Карамзина и Державина. Татарщина не может долго устоять против этого угольного дыма Шотландского; он проест ей глаза, и они прояснятся»¹⁰².

Многое видел Александр Иванович во время своих зарубежных странствий, о многом он мог рассказать Пушкину. Вплотную столкнулся он с промышленной Европой летом 1828 года при известной уже нам поездке из Лондона в Абботсфорд и Эдинбург. По всей вероятности, он не скупился знакомить своих друзей с картинами, столь непривычными русскому глазу.

А. И. Тургенев не был «залетным путешественником». Он понял, что в окутанных дымом фабричных корпусах, мимо которых неслась почтовая карета, рождалась Европа завтрашнего дня.

Перед Пушкиным был собеседник, хорошо осведомленный о ходе промышленного перевоплощения Англии. А ведь мы знаем, что Пушкин интересовался коренной перестройкой английской экономики, тем социальным антагонизмом, который, подобно раковой опухоли, неумолимо разрастался в дыму заводских корпусов. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» он писал:

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы станут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смида или об иглоках г-на Джексона» (XI, 257).

21 января Александр Иванович еще раз встретился с Пушкиным: «Обедал у Лубяновского с Пушкиным, Стогом, Свинымым, Багреевым и пр. Анекдоты о Платоне, <I нрзб.>, Репнине, Безбородке, Тутолмине и Державине. Донос его на Тутолмина и поступок императрицы».

Обед был у Федора Петровича Лубяновского (1777—1869), сенатора, переводчика, в молодости служившего адъютантом у генерал-фельдмаршала Николая Васильевича Репнина. Лубяновский жил на Мойке, в одном доме с Пушкиным. Среди гостей были Александр Алексеевич Фролов-Багреев, зять М. М. Сперанского, управляющий государственным заемным банком, Павел Петрович Свинын, литератор, издатель «Отечественных записок», в которых он печатал материалы по истории

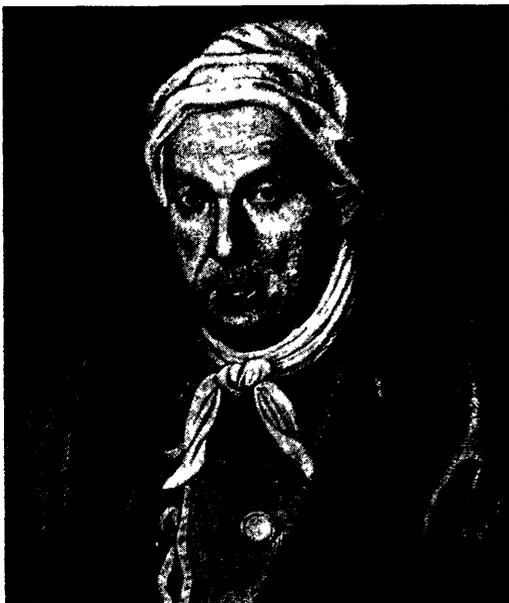
России; Стог Алексей Данилович, сенатор, член Английского клуба, литератор.

Предметом общего разговора было царствование Екатерины II. Говорили о московском митрополите, церковном ораторе, авторе богословских книг Платоне (Левшине, 1737—1812), о дипломате, секретаре Екатерины II, князе Александре Андреевиче Безбородко и о некоторых других государственных деятелях того времени. Беседовали и о ссоре Олонецкого наместника Тимофея Ивановича Тутолмина с Державиным, назначенным туда губернатором в конце 1784 года. Тутолмин поехал в столицу с жалобой на Державина. Последний послал вдогонку донесение о беспорядках в тех частях управления, которые были подведомственны наместнику. Тутолмин был вызван к Екатерине II и на колених просил милости. Биограф Державина, академик Я. К. Грот писал об этом: «О том, что Тутолмин в кабинете императрицы бросился ей в ноги, ходили действительно слухи, но тому были различные толкования. Противная Державину партия рассказывала, что Тутолмин, по приезде из Петрозаводска, несколько раз был приглашаем к столу императрицы, чтоб в первый раз, после обеда, она дала ему прочесть донесение Державина, а через несколько времени потребовала у него отзыва об этой бумаге, и на замечание о ее неосновательности будто бы сказала, что и сама ничего не находит в ней кроме поэзии; будто бы Тутолмин, откланиваясь, заявил, что просит одной милости: стал на колени и, поцеловав руку государыни, ходайствовал о пожаловании Державину ордена Владимира 2-й степени, что она и одобрила, похвалив Тутолмина за благородный поступок»¹⁰³.

Далее Я. К. Грот высказывает сомнения в этой версии, указав, что Державин получил орден Владимира не 2-й, а 3-й степени, и то не в Петрозаводске, а уже в Тамбовской губернии в 1787 году. Но нас в данном случае интересует не достоверность этого рассказа, а источник информации к этому месту он писал: «Это рассказывал мне покойный Ф. П. Лубяновский, некогда адъютант Репнина, очень не благоволивший к поэту, <...>. Он уверял, что слышал этот рассказ от самого Тутолмина в бытность его московским генерал-губернатором и передавал его с разными прикрасами, прибавляя в заключение, что бывший наместник не удовольствовался упомянутою просьбой, но при вторичной,

прощальной аудиенции просил еще последней милости: чтоб ему дозволено было самому надеть на Державина пожалованный орден»¹⁰⁴.

Итак, круг замкнулся: оказалось, что тот самый Лубяновский, который рассказывал анекдоты екатерининского царствования Пушкину и его друзьям, осведомлял Я. К. Грота. Мы можем быть уверены, что в обоих случаях он передавал одни и те же красочные подробности о распре Державина с Тутолминым.

Г. Р. Державин.

«23 января. Кончил переписку **Веймарского дня**, прибавил письмо 15 англичан к Гете и ответ его в стихах и после обеда отдал и прочел бумагу Вяземскому, а до обеда зашли ко мне Пушкин и Плетнев и читали ее и хвалили. Пушкин хотел только выкинуть стих <отворение> Лобанова».

Эта корреспонденция А. И. Тургенева появилась в пятом томе «Современника» без стихотворения Лобанова. Но отсутствует в ней и стихотворный ответ Гёте, вместо которого напечатано письмо Вальтера Скотта к Гёте.

«24 января. Воскресенье. Кончил чтение Шатобриана Англ<ийской> литературы». Сколько прекрасных страниц, гармонических и трогательных; но где англ<ийская> литература? Везде он, а Мильтон редко выглядывает из-под Шатобриана...»

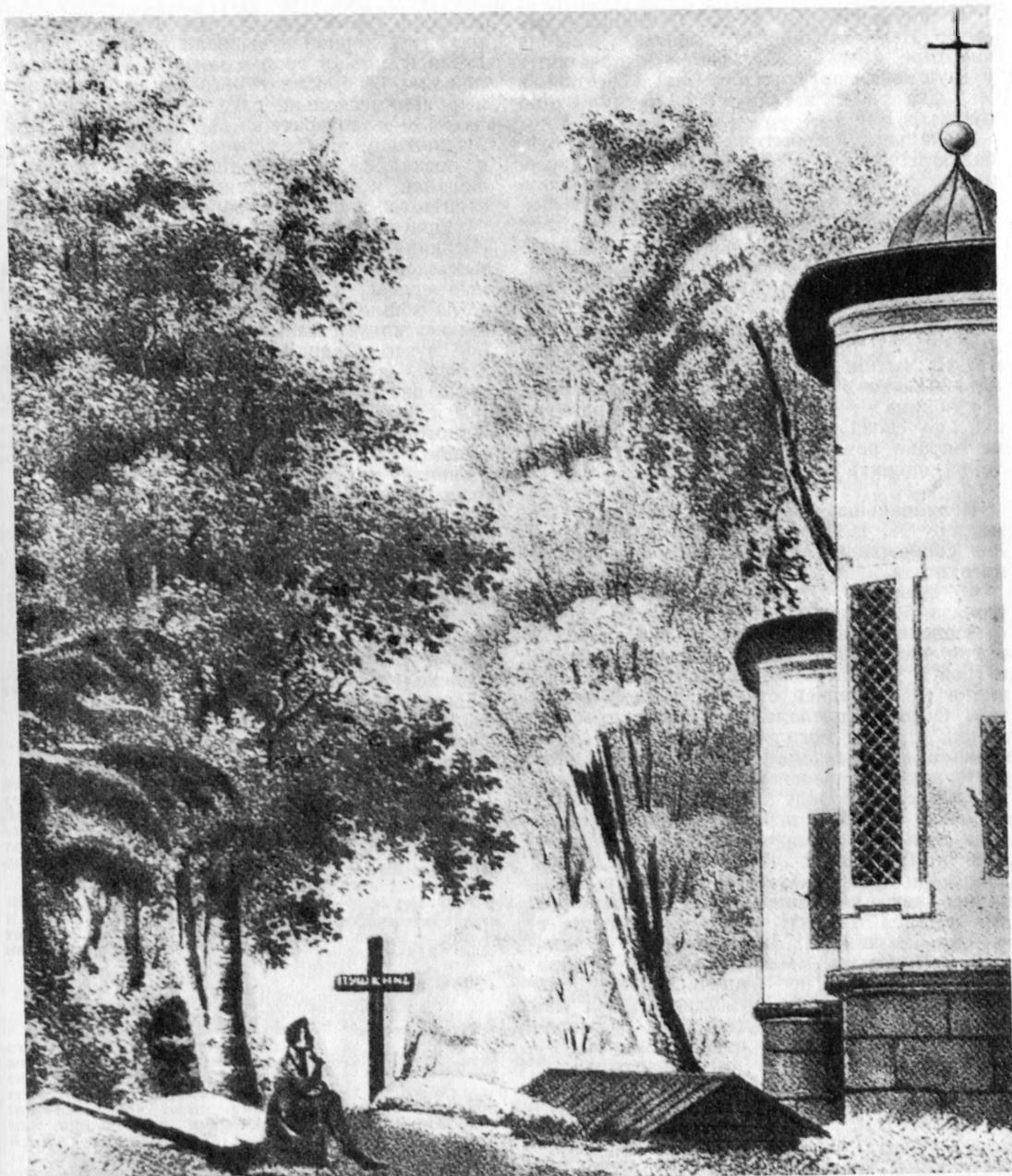
Пусть в этой записи нет прямого упоминания Пушкина; обойти ее было бы непростительной ошибкой. Вспомним, что в конце 1836 года Пушкин в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» писал о той же книге французского писателя: «В ученой критике Шатобриан не тверд, робок, и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и понаслышке и кое-как отделяется от скучной должности библиографа; но поминутно из-под пера его вылетают вдохновенные страницы, он поминутно забывает критические изыскания и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство **Опыта**» (XII, 145).

Сравним оценку Пушкина с суждением А. И. Тургенева: невольно возникает мысль, что дневниковая запись является конспектом того, что развернуто в статье Пушкина. А на самом деле эти оценки принадлежат разным людям. Нужно ли говорить, что подобное совпадение в мыслях предопределено чертами интеллектуальной близости Пушкина и А. И. Тургенева.

«26 января. Я сидел до 4-го часа, перечитывал мои письма; успел только прочесть Пушкину выписку из пар<ижских> бумаг». Эти выписки содержали донесения французских послов из Петербурга времен Петра I¹⁰⁵. Для Пушкина они были «хлебом насущным»; в его творческом воображении строки французских дипломатов уже вклинивались в «Историю Петра». Пушкин хотел вторично в этот день навестить Александра Ивановича, еще и еще почитать эти донесения. Но события захлестнули его, и он второпях пишет записку А. И. Тургеневу:

«Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов».

И на том же клочке бумаги рукой А. И. Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина накануне дуэля».

Могила А. С. Пушкина.
Литография Клюквина
с рисунка Соколова.

В последние дни жизни Пушкина Александр Иванович провел многие часы на квартире поэта. «28 генваря <...> опять у Пушкина, простился с ним. Он пожал мне два раза, взглянул и махнул тихо рукою».

Печальные события, связанные с гибелью Пушкина, рассказаны А. И. Тургеневым в его письмах к друзьям и близким. Повествуя о народном горе, о трогательных проявлениях симпатии простого народа к погибшему поэту, Александр Иванович с горечью писал А. И. Нефедьевой: «Одна так называемая знать наша или высшая аристократия не отдала последней почести Гению Русскому: она толкует, следуя моде, о народности и пр., а почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъютантов <антов> и пр., не пришел ко гробу П<ушкина>. Но она, болтая по-французски, по своей русской безграмотности, и не вправе печалиться о такой потере, которой оценить не могут»¹⁰⁶.

Полуоपालному статскому советнику камергеру А. И. Тургеневу Николай I повелел сопровождать в последний путь опального поэта.

«5 февраля. Отправился сперва в Остров, за 56 верст, откуда за 50 верст к Осиповой — в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в 7-м часу вечера; почталнона оставил я на последней станции с моей кибиткой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду, здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Напились чаю; я уложил спать жандарма и сам остался мыслить вслух о Пушкине с милыми хозяйками; читал альбум со стихами Пушкина, Языкова и пр. Нашел Пушкина нигде не напечатанные. Дочь пленяла меня; мы подружались. В 11 часов я лег спать. На другой день, 6 февраля, в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм! — опять в монастырь, —

все еще рыли могилу; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез — вспомнил о Сереже, — и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать в Михайловское, и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь.

Дорогой Мария Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, места <вырвано> любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали. Я искал вещь, которую бы мог унести из дома; две крошечные вазы на печках оставил я для сирот. Спросил старого, испанского пера: мне принесли новое, неочиненное; насмотревшись, мы опять сели в кибитку-коляску и, дружно разговаривая, возвратились в Тригорское. Отзавтракав, простились. Хозяйка дала мне нем<ецкий> кеер-саке¹⁰⁷ на память; я обещал ей стихи Лермонтова, Онегина и мой портрет. Мы нежно прощались, особливо с Марией Ивановной, уехали в кибитку и на лошадях хозяйки по реке Великой менее нежели в три часа достигли до 1-й станции. Заплатил за упавшую под гробом лошадь — и поехал дальше».

Ранее Александр Иванович не был знаком с Осиповой и ее семейством. Они встретились и сблизились у гроба Пушкина.

Записью А. И. Тургенева об этой внешне запозно возникшей, но по-человечески понятной дружбе между истинными друзьями Пушкина мы и закончим наше повествование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники... М. — Л., изд-во «Наука», 1964, стр. 351. Даты заграничных дневников даны по новому стилю, даты записей в России — по старому стилю.
- ² А. И. Тургенев, Указ. соч., стр. 363.
- ³ И. И. Дмитриев, Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель», 1967, стр. 348.
- ⁴ А. И. Тургенев, Указ. соч., стр. 434. На этом ужине присутствовали: Иоанн Генрих Буссе — пастор, адъюнкт Академии наук; Мюральт — пастор реформатской церкви, содержатель пансиона, Ласозе — тоже, по видимому, пастор.
- ⁵ ПД, ф. 309, № 9, л. 7.
- ⁶ Там же, л. 33. Томсон Карл (Чарлз) был членом Английского клуба в Петербурге с 1822 по 1824 год (Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания, 1770—1870. СПб., 1870, стр. 98).
- ⁷ П. Е. Щеголев, Декабристы. М. — Л., ГИЗ, 1926, стр. 303.
- ⁸ ПД, ф. 309, № 10, л. 17.
- ⁹ Там же, № 308, л. 122.
- ¹⁰ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, Пг., 1921, стр. 65. Ломоноссик — Ломоносов Сергей Григорьевич (1799—1857), лицейский товарищ Пушкина, дипломат.
- ¹¹ ПД, ф. 309, № 10, л. 53 об. Кн. Долгорукая — пома И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», изданная в 1828 году.
- ¹² Там же, л. 54.
- ¹³ Там же, л. 58 об.
- ¹⁴ Подробнее об этом см. статью М. П. Алексеева «Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты», где впервые опубликованы приведенные нами архивные сведения о знакомстве А. И. Тургенева с Т. Муром («Международные связи русской литературы». Сбор статей под ред. акад. М. П. Алексеева. М. — Л., изд. АН СССР, 1963, стр. 243—272).
- ¹⁵ ПД, ф. 309, № 307, л. 178.
- ¹⁶ Там же, № 232, лл. 56—57.
- ¹⁷ Остафьевский архив, т. III, стр. 202—207.
- ¹⁸ ПД, ф. 309, № 325, л. 13.
- ¹⁹ Там же, л. 39 об. Тафья — маленькая круглая шапочка, род ермолки, плотно закрывающая маковку головы.
- ²⁰ Там же, л. 40.
- ²¹ Там же, л. 40 об.
- ²² Constituenel, 1831, 24 janvier.
- ²³ ПД, ф. 309, № 325 л. 20 об. Запись от 28 января.
- ²⁴ ПД, ф. 309, № 4714.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. А. И. Тургенев имеет в виду московский архив Коллегии иностранных дел.
- ²⁷ Дневниковые записи за 1831—1834 годы взяты из статьи («Русская литература», 1964, № 1, стр. 125—134).
- ²⁸ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, стр. 89.
- ²⁹ ПД, ф. 309, № 305, л. 57. Запись от 21 июля 1834 года.
- ³⁰ Голицына Анна Васильевна (урожденная Ланская, 1793—1868) — жена князя А. В. Голицына.
- ³¹ П. А. Вяземский, Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1958, стр. 114—115.
- ³² Журнал министерства народного просвещения, 1913, новая серия, ч. XLIV, март, отд. 2, стр. 17.
- ³³ Там же, стр. 18.
- ³⁴ Велгурский — Михаил Юрьевич Вильгорский (1788—1856) — хозяин музыкально-литературного салона Федоров Борис Михайлович (1794—1875) — литератор, помогавший А. И. Тургеневу в переписке исторических документов из иностранных архивов.
- ³⁵ По-видимому, Энгельгардт Василий Васильевич (1785—1837) — полковник в отставке, член литературного кружка «Зеленая лампа».
- ³⁶ Винулин Сергей Алексеевич (1800—1848) — попутчик А. И. Тургенева и Жуковского в поездке за границу.
- ³⁷ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, стр. 134. Жиро Джованни (1776—1834) — итальянский драматург.
- ³⁸ Остафьевский архив, т. III, стр. 262.
- ³⁹ «Белая дама» — опера французского композитора Ф.-А. Буальде (1775—1834), бывшего в 1804—1811 годах капельмейстером французской оперной труппы в Петербурге.
- ⁴⁰ Италинский Андрей Яковлевич (1743—1827), камергер, чрезвычайный посланник и полномочный министр при папском дворе.
- ⁴¹ «Русский библиофил» 1916, № 4.
- ⁴² Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — эллиграфист, друг Пушкина.
- ⁴³ Икскуль Александр Карлович (1805—1880) — камер-юнкер, переводчик в канцелярии начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова.
- ⁴⁴ Острые словечки (франц.).
- ⁴⁵ Остафьевский архив, т. I, стр. 167.
- ⁴⁶ Новорожденная Карамзина — Екатерина Андреевна, родившаяся 16 ноября 1780 года, вдова историографа.
- ⁴⁷ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. IX, М., 1956, стр. 88—89.
- ⁴⁸ Новолитка Петр Иванович (1778—1849) — дипломат, член «Арзамаса».
- ⁴⁹ Скалон Николай Александрович (1809—1857) — поручик Финляндского полка, приятель сыновей Н. М. Карамзина.

⁵⁰ Гостиница «Австрия». Тургенев (франц.).

⁵¹ Эйхгорны — Эрнест (11 лет) и Эдуард (9 лет), братья-скрипачи, выступавшие с концертами в Петербурге.

⁵² Шевичева — Мария Христофоровна Шевич (1784—1841), сестра А. Х. Бенкендорфа, приятельница семейства Карамзиных.

⁵³ «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 120.

⁵⁴ По-видимому, Цецилия Владиславовна Фридерикс (ум. 1851), приближенная императрицы.

⁵⁵ Хитрово Елизавета Михайловна (1783—1839).

⁵⁶ Толстая Анна Матвеевна (1809—1897) — племянница Е. М. Хитрово.

⁵⁷ Твоим «почему», маркиз, никогда не будет конца (франц.).

⁵⁸ Чернышев - Кругликов Иван Гаврилович (1787—1847) — граф, муж С. Г. Чернышевой, сестры декабриста З. Г. Чернышева.

⁵⁹ Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, двоюродный брат декабриста А. И. Одоевского.

⁶⁰ ПД, ф. 309, № 4714. Приведено частично: «Литературное наследство», т. 58, стр. 110.

⁶¹ Орлов Алексей Федорович (1788—1861) — генерал-адъютант, брат М. Ф. Орлова.

⁶² ПД, ф. 309, № 4714.

⁶³ Татищев Дмитрий Павлович (1767—1845) — русский посол в Вене.

⁶⁴ ПД, ф. 309, № 4714. Частично и с искажением слова «соименитая» приведено в кн.: «Литературное наследство», т. 58, стр. 116.

⁶⁵ М. А. Цявловский, Статья о Пушкине. М., изд.

АН СССР, 1962, стр. 369—378.

⁶⁶ ПД, ф. 309, № 4714.

⁶⁷ «Литературное наследство», т. 58, стр. 118.

⁶⁸ Остафьевский архив, т. III, стр. 281.

⁶⁹ Там же, стр. 286.

⁷⁰ Д'Андре — секретарь французского посольства в Петербурге.

⁷¹ «Литературное наследство», т. 58, стр. 119.

⁷² Там же, стр. 128—129.

⁷³ Про себя (франц.).

⁷⁴ «Современник», т. 2, 1836, стр. 311—312.

⁷⁵ «Литературное наследство», т. 58, стр. 119—120.

⁷⁶ ПД, ф. 309, № 318, л. 26.

⁷⁷ Остафьевский архив, т. III, стр. 301. Шувалов Григорий Петрович (1804—1861) — сотрудник русского посольства в Париже.

⁷⁸ Там же, стр. 289. А. И. Тургенев пытался, правда безуспешно, получить от Ламартина материалы для «Современника»: «Ламартин обещал мне прислать экземпляр своей речи для Пушкина», — писал он Вяземскому 24 апреля 1836 года («Литературное наследство», т. 58, стр. 120).

⁷⁹ Там же, стр. 289. Письмо от 23 января 1836 года.

⁸⁰ «Русский архив», 1903, кн. 1, стр. 143.

⁸¹ П. Е. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М. — Л., ГИЗ, 1928, стр. 274—300. В дальнейшем цитаты из дневника А. И. Тургенева, сверенные с рукописью, даны по этому изданию.

⁸² По-видимому, Р. — Ростоппина Е. И. (1811—1858) — поэтесса, В. — Бенедиктов В. Г. (1807—1873) — поэт.

⁸³ П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 278.

⁸⁴ М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я па-

мятник себе воздвиг...». Л., «Наука», 1967.

⁸⁵ ПД, ф. 309, № 4714. Письмо от 24 октября 1836 года. Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844) — московский генерал-губернатор.

⁸⁶ «Московский пушкинист», вып. 1, М., 1927, стр. 23—24. Подлинник по-французски.

⁸⁷ Об этом см.: Г. Кока, Пушкин о полководах двенадцатого года. «Прометей», № 7, 1969, стр. 17—37.

⁸⁸ *Moniteur universel*, 1836, № 358 (23.XII), p. 2261.

⁸⁹ Там же, p. 2262.

⁹⁰ «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (франц.).

⁹¹ Барон Либерман — прусский посол в Петербурге с ноября 1835 по июнь 1845 года.

⁹² Письма Александра Тургенева Вулгаковым. М., Соцэкгиз, 1939, стр. 204; подлинник по-французски.

⁹³ ПД, ф. 309, № 9, л. 54.

⁹⁴ В существе дела (латин.).

⁹⁵ Это великосветский человек, который лучше всего знал административные дела Одессы (франц.). Герцог Арман Ришелье (1766—1822) — французский государственный деятель, более 20 лет находился на русской службе; в 1803 году был назначен градоначальником Одессы. После падения Наполеона Ришелье вернулся во Францию и в 1815—1818, а затем в 1820—1821 годах возглавлял французское правительство.

⁹⁶ ПД, ф. 309, № 10, л. 17.

⁹⁷ Пастиш, то есть подделка под стиль Вольтера.

⁹⁸ Жанна д'Арк (франц.).

⁹⁹ Подробнее об этом см.: М. В. Нечкина, А. С. Грибоедов и декабристы. Изд. 2-е. М., изд. АН СССР, 1951, стр. 482—490.

¹⁰⁰ ПД, ф. 309, № 950.

¹⁰¹ «Русский архив», 1903, кн. 1, стр. 144.

¹⁰² «Литературный архив», т. 1. М. — Л., изд. АН СССР, 1938, стр. 85.

¹⁰³ Г. Р. Державин, Сочинения, т. VIII. СПб., 1880, стр. 376.

¹⁰⁴ Там же, стр. 376—377.

¹⁰⁵ Об этом см.: Илья Фейнберг, Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4-е. М., «Советский писатель», 1964, стр. 162—187.

¹⁰⁶ «Пушкин и его современники», вып. VI. СПб., 1908, стр. 66. Письмо от 1 февраля.

¹⁰⁷ Альбом со стихами и иллюстрациями (англ.).